

Виктор Кабанов

**Жизнь
и приключения
вынужденного
переселенца**

Книга первая. Байки
о бабайке

Виктор Михайлович Кабанов
Жизнь и приключения
вынужденного переселенца.
Книга первая. Байки о бабайке

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42541699

ISBN 9785449673053

Аннотация

Сегодня мало кто придаёт значение одной из страниц новейшей истории – исход русскоязычного населения из союзных республик после развала СССР. Это сотни тысяч семей, миллионы судеб. Повествование начинается с детства главного героя. Это позволит понять стереотипы мышления, мировосприятие и традиции русских, родившихся в национальных республиках. В книге много житейского юмора, комичных сцен, приключений.

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	6
ГЕКТОР	12
ПЕРЕКУР	29
ГРУНЯ	39
УЛИЦА ТИТОВА	48
ОБЩИЙ ДВОР	60
НАБЕГ	72
В ПОХОД	92
ПЕТЬКА	100
Конец ознакомительного фрагмента.	122

**Жизнь и приключения
вынужденного переселенца
Книга первая.
Байки о бабайке**

**Виктор Михайлович
Кабанов**

© Виктор Михайлович Кабанов, 2019

ISBN 978-5-4496-7305-3 (т. 1)

ISBN 978-5-4496-7306-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

г. Бийск

2013 г.

Моим детям Константину и Екатерине посвящаю...

Чем старше вы будете становиться, тем понятнее вам будет то, что мы были такими же, как и вы, только в другое время и в другой стране. А так, ничего нового для вас.

Любите своих детей! Ведь проблема «отцов и детей» в нас самих, и не более. Не нужно стесняться проявления своей любви к детям, учитесь находить время для общения с ними, и это воздастся сторицей! Жалею, что у меня самого не всегда это получалось...

ПРЕДИСЛОВИЕ

Кто-то должен хотя бы записать, какой она была та эпоха, эпоха, когда мы были детьми. В своей книге лишь в нескольких штрихах хочу описать отдельные эпизоды из жизни поколения, родившегося в конце 1950-х – начале 60-х.

Этот период мало чем отличался от предыдущих и следующих сразу за ним. Но для меня он особенный. Именно в это время я родился!

Конечно, в отличие от наших родителей, родившихся до или сразу после Великой Отечественной войны, мы не голодали, не ели хлеб с замоченным в уксусе луком, не переживали, вернутся ли сегодня с работы наши родители. Я имею в виду годы репрессий.

Но мы ещё застали улицы, мощенные булыжником, редкие автобусы, трамваи без дверей, керосинки на кухнях. Мы в первом классе начинали писать простыми карандашами, а потом, класса до четвертого, носили в школу чернильницы и перьевые ручки.

Как ни странно, но моя жена, выросшая в военном гарнизоне в Заполярье, эти мои воспоминания из детства считает надуманными. Я же по этому поводу могу сказать лишь одно – может быть, в Москве, Ленинграде, военных гарнизонах, закрытых городах с московским обеспечением люди и жили лучше, но основная масса населения нашей великой

страны, всё-таки носила в школу чернильницы и писала перьями «Звездочка», донашивала одежду и обувь за старшими братьями и сёстрами. А летом в целях экономии главной одеждой у пацанов были чёрные сатиновые трусы, и в лучшем случае – кожаные сандалии за рубль двадцать. Это было время, когда на всю улицу приходился только один велосипед, на котором всей улицей и катались, игрушки, по большей части, были самодельные. Именно тогда рубль в кармане делал тебя чуть ли не Рокфеллером.

На рубль можно было купить пять пломбиров в вафельных стаканчиках, выпить в автомате 33 стакана газировки с сиропом или 100 – без сиропа, десять раз прокатиться на карусели в парке, десять раз посмотреть мультфильмы в кинотеатре, купить десять больших стаканов семечек, пять булок хлеба и т. д.

Телевизор с лупой, в которую наливали воду, был один, пожалуй, семей на 10—15. Не было редкостью, когда в одной квартире на телевизионный просмотр собиралось по несколько семей.

Было, было, было!.. Вот поэтому-то и хочется хоть что-то сохранить на бумаге, пока сами не позабыли всё окончательно.

И все же почему «байки», да еще и о «бабайке»?

Байки – все понятно. Поскольку все герои – образы собирательные, то совсем не обязательно, что какое-то событие происходило именно с ними. Пересказы из уст в уста, скла-

дывались в байки, которые, с различными художественными добавлениями, еще долго ходили среди уличной «гвардии».

Короче говоря – своеобразный уличный эпос!

Теперь кто же такой «бабайка»? На узбекском языке – «бабай», на таджикском – «бобо» – старик, дед.

«Бабайка» – производное слово, придуманное русскоязычным населением, и обозначающее, видимо, – «старичок», «старикашка», «страшный дед».

Тот период знаменуется одним из очень распространенных явлений, когда все друг друга чем-нибудь да пугали. В детском саду – «Не съешь, бабайка заберёт». Куда заберёт? Зачем? И что он там будет с тобой делать, никто толком не знал. Но было страшно!

В школе с первого класса – Будешь вертеться – не примут в октябрята! Позже – хулиганишь на переменах – не примут в пионеры, тройка в четверти, куришь – не примут в комсомол, если всё вместе – вызовут родителей в школу, ещё хуже – попадёшь на разбор педсовета.

Какой ужас! Все вокруг октябрята, пионеры и комсомольцы, а ты нет! Угрожая, объясняли, что без комсомола не поступишь в институт, не примут в КПСС! А без партии – нет профессионального роста и, вообще, можешь ставить крест на жизни! Кошмар!

Короче, пугали с детства! Пугали те, которые сами в страхе жили всю жизнь. Они боялись всего – войны, арестов, обмена денег, отсутствия мыла, спичек, соли, керосина, смены

руководства страны. А как не бояться, если это уже было, или вдруг снова будет, и на этот раз может коснуться тебя, твоих родных и близких.

Отсутствие веры государству в период «строительства развитого социализма», раболепное отношение к «власть-предержащим», всеобщее «одобрям», гротескно трансформировалось в «общенациональный страх».

Страх – небольшой такой «страшишко», жил внутри каждого где-то между головой и желудком. Те, кто ничего не боялся, были или психически ненормальны, или очень стары, или назывались непонятным словом – диссиденты, и периодически сидели.

Трудно винить обывателей, если внутренняя политика государства, его пропагандистская машина была направлена на то, чтобы держать свой народ в страхе и безоговорочном повиновении.

Вот такой вот он – «бабайка»!

И всё же не писать о поколении 50-х – 60-х нельзя! Пусть они не брали Берлин и не открывали дорогу в космос, но Афган всё-таки рухнул на ещё детские плечи этого поколения.

Дальше – сплошное оцепенение от регулярных похорон Генеральных секретарей.

А Чернобыль? Да, мало ли еще что?

И как апофеоз – перестройка и развал Советского Союза. Парад суверенитетов Союзных республик!

Просыпаешься утром, а ты уже в другой стране. И стра-

на эта как-то не очень тебе рада, несмотря на то, что ты родился здесь в четвёртом поколении. Наконец, начинаешь понимать: чтобы жить в национальной республике, нужно стать, например, узбеком! На этом заканчивается вся прежняя жизнь. Как выстрел – раз, и всё! А что дальше? Никто не знает!

Короче, «полный букет проблем» за порогом только начавшейся самостоятельной жизни.

И вот потянулись миллионы семей русских репатриантов – вынужденных переселенцев на свою историческую Родину. Родину, которая их не ждала!

Такие переезды можно сравнить с бегством из горящего дома, когда не знаешь что схватить. Ещё можно сравнить с вынужденной посадкой на Луну без скафандра! «...Скорее, скорее, выходим, а там что-нибудь придумаем».

А думать было о чём! Маленькие дети, ни кола, ни двора. Впереди беспроглядная мгла. Невозможно было предугадать, что будет завтра...

Вот тут-то страх, доставшийся по наследству, и стал пропадать. Нужно было цепляться за жизнь! Хочешь зубами, хочешь – ногтями. Других вариантов просто не было!

Поколение, ещё недавно уверенно глядевшее в будущее, свалилось в водоворот бандитско-рыночных отношений и финансовой вакханалии. Одни стали бандитами, другие предпринимателями. Предпринимателей было несравненно больше, а иначе бандитам было бы не прокормиться.

В чём заключалось «всеобщее предпринимательство»? Да в основном в торговле. Продавали друг другу всё, что осталось от Советского Союза. Кто лес, кто гвозди, кто оборудование, кто продукты с военных складов.

Активное участие в этом «всеобщем бизнесе» приняли бывшие руководители комсомольских и партийных структур, чиновники всех уровней. Они торговали по-крупному – фабриками, заводами, месторождениями нефти и газа, оружием – тем, чего нельзя было купить на базаре. В рынок пошли и ученые! Торговали новейшими технологиями, государственными секретами.

Ох, и било же народ в этот период – то кризисами, то дефолтами, то ещё чем-нибудь тяжёлым.

При чём же здесь мы, наше поколение?

Да, наверное, именно наши ровесники в этот период составляли наиболее социально активный и работоспособный слой населения. Именно им и пришлось разгребать всю эту «вселенскую помойку».

Не знаю, как получится, но уж не обессудьте! Напишу, как могу.

Автор предупреждает, что все имена и фамилии, вымышленные. Их совпадения – случайны. Мнение автора об отдельных исторических моментах, происходивших в стране в то или иное время – его личное, и никому не навязывается.

В. М. Кабанов

ГЕКТОР

Он часто приходит сюда, чтобы в одиночестве посидеть на берегу этой горной реки-шепотуньи, берущей своё начало из-под ледников высоко в горах, послушать как она, пенясь на каменных перекатах, без умолку что-то нашёптывая, несёт свои хрустальные, пахнувшие снегом воды навстречу своей матери – Катуню.

Часто приходят мысли о том, что жизнь наша – это миг. Вот эта река, течёт без остановки уже не одну сотню тысяч лет. И только она знает, что происходило на её берегах за это время. Стремясь между скал, замедляя бег в горных долинах, она скупно хранит свою многовековую тайну. Она хорошо помнит и лица скифов, и древних тюрков, которые заглядывали в её гладь, поили своих необузданных коней её неиссякаемой чистотой. Сколько лиц она помнит, сколько событий?

Человек появился на Земле, когда река была ещё юной. Битвы племён и народов, зарождение цивилизаций, первые шаги человека в космос. Всё она помнит и бережно хранит! Она всегда была рядом с человеком. Опекала его как младенца. Младенец по незнанию своему пытался вмешаться в её размеренную жизнь – то русло изменит, то плотинной перегородит. Вот тогда и проявлялся крутой нрав реки. Да, как нескончаемо длина её жизнь. Уже давно нет тех, кто

по незнанию своему резал её по живому! А она вон – течёт, как и сотни тысяч лет назад.

«А что я помню из своей жизни? – размышлял он. – Ну, родился, учился, служил, работал, снова учился, женился. Родились дети, схоронил родителей. Да, помню. А что будет с моей памятью, когда меня не станет?»

Наверное, она превратится в такую же молчаливую память реки, в водах которой мелькнуло моё отражение. Как знать?»

Ласково грело весеннее солнце. Он никуда не спешил.

«Память, память. А что ты помнишь или знаешь такого, что нужно помнить?» – упрекал он сам себя. Так, промелькнул по жизни!

«Нет! – возмутился внутренний голос. – И большая часть жизни прошла не зря. Да и есть что вспомнить!»

* * *

Однажды, в самом конце пятидесятых годов молодая, симпатичная девушка родила сына. Его появление на свет вызвало неоднозначную реакцию у ближайших родственников. Самой главной причиной было то, что у ребёнка не было отца. Вернее он был, физически. А вот официально его не было. Но это отдельная история.

А пока, как бы родные девушки к этому ни относились, что бы там соседи ни говорили, но мальчуган уже был, и родить его обратно было невозможно.

Мама назвала малыша Гектором.

С первых же дней своего рождения он стал любимцем семьи. Ещё не старые, чуть больше сорока, бабушка с бабушкой, двенадцатилетний, хулиганистый дядя и мама – вот и вся семья.

Хотя нет, была еще куча родственников по бабушкиной и дедушкиной линии. Но среди всей многочисленной родни этот ребенок был самым младшим, поэтому нянчили, тискали и любили его все.

В раннем младенчестве мальчик много болел, как это часто бывает с большинством младенцев мужского пола. Может быть, его болезненность была связана с тем, что уже в три месяца он был отдан в круглосуточные детские ясли. А что делать? Все так жили. Несмотря на своё слабое здоровье, говорить он начал месяцев в семь.

Кстати, с тех самых пор молчать он уже больше не мог. В связи с чем, позже снискал репутацию интересного рассказчика, выдумщика и фантазёра.

Ближе к году он уже и пошел. Этот новый рубеж в его физическом развитии тоже стал каким-то уж больно предопределяющим в его жизни.

Страсть к путешествиям проснулась в нём годам к трём и уже не проходила никогда. В этом нежном возрасте его уже не раз искали с милицией. Да, он иногда один уходил погулять по городу. По дороге мог завернуть в незнакомый детский сад, где при наличии хорошей компании мог и заноче-

вать.

Теперь представьте на минуту, что в это время происходило дома! А, что может происходить в доме, где вот уже как двое суток пропал трехлетний карапуз? Единственный, кто не очень страдал от этого происшествия, это сам «путешественник» и, конечно же, его малолетний дядя, который всё время, пока взрослые были заняты поисками ребенка, был предоставлен сам себе. Ещё бы, редкая удача!

Да, знал бы он, что в скором времени именно этот ребенок станет его «веригами», с которыми у дядьки пройдет все детство. В дальнейшем это вынужденное положение «няньки» перерастёт в привычку, а может быть, отчасти, и в любовь к своему воспитаннику.

С помощью милиции, соседей, родных и знакомых мальчик конечно находился. В то время дети никуда не могли пропасть. Они всегда находились живыми и здоровыми. Мама и бабушка плакали от счастья. Даже суровый дед с теплотой в глазах смотрел на «возвращенца».

Вскоре всеобщая эйфория радости и счастья проходила, и начиналось «воспитание». Заключительным актом всеобщей любви было помещение любимца под замок в угольный сарай, в лучшем случае – в угол между стеной и печкой. Исполнением наказания занимался дед. Благо был опыт работы старшим следователем по особо важным делам прокуратуры области.

Круглосуточный детский сад, расположенный через за-

бор от яслей, особой новизны в жизнь ребенка не привнёс. Во время нечастых детсадовских прогулок по городу воспитательница ни на минуту не выпускала его руку. Такое ограничение свободы не могло нравиться ребёнку. С прогулок он возвращался весь зарёванный. На щеках издавлек были видны размазанные кулачками русла слёз, проложенные по запылённому детскому лицу.

Вторая волна обиды захлёстывала мальчишку по вечерам, когда соседских детей родители разбирали по домам, а он и ещё с десятков ребятешек оставались ночевать в детском саду. Теперь ревела уже вся круглосуточная группа!

Дежурная воспитательница вместе с нянечкой до самого ужина тщетно успокаивали малышей. Если увещевания не помогали, то нянечка отправлялась за дедом Никифором – ночным сторожем.

Дед Никифор был личностью весьма своеобразной. Он жил при садике в сторожке и исполнял обязанности и дворника, и истопника, и плотника, и слесаря. В общем, всё нехитрое хозяйство держалось на нем.

Особый колорит ему придавала его манера одеваться. Вечная ушанка, латаная-перелатаная фуфайка, подпоясанная солдатским ремнём, валенки с калошами, которые к лету менялись на сапоги. Никто никогда не видел его без этих атрибутов, ни зимой, ни летом!

Огромная белая борода, жёлтые прокуренные усы, делали его похожим на деда Мороза. Выцветшие старческие глаза

всегда изучали тепло и доброту.

Детвору иначе как «соколики» он не называл. У него всегда находились слова и карамелька, чтобы успокоить разревевшегося малыша.

Поговаривали, что во время войны он потерял всю семью, после демобилизации поехал «куда глаза глядят», и осел в Самарканде.

Ограниченное количество его любимчиков из мальчишек допускалось в святая святых – его сторожку. Сколько интересных предметов в ней хранилось! Мётлы, лопаты, шланги, лейки, топоры, молотки, рубанки, стамески, ножовки, гвозди... В особо исключительных случаях он даже разрешал подержать шланг, когда поливал детские площадки!

А как он рассказывал сказки, когда в редких случаях ему приходилось на часик-другой подменять ночную нянечку! Ну, как детвора могла его не любить? В таких случаях, которые случались довольно часто, дед приходил в группу с чёрным, огромным сторожевым псом Мухтаром.

Плач прекращался мгновенно. Будучи немецкой овчаркой, умный пес по команде лаял, сидел, лежал, ползал. Вскоре вместе с ним по полу ползала, кувыркалась, лаяла, визжала и смеялась вся группа. Добрый Мухтар мужественно терпел детей, которые взбирались на него, лезли ему в нос, пасть, тянули за хвост. Дед сидел здесь же, и по-стариковски пожевывая усы, добродушно наблюдал за происходящим.

Между делом он нюхал табак. Чихал он весьма своеобразно.

разно! Тщательно зарядив каждую ноздрю хорошей порцией табака, дед несколько минут сидел, щурясь в приятной томе. Наконец, захлебываясь, с ревом «А-а-а» набирал в лёгкие воздух. В след за тем, из его груди вырывался не ожидаемый всеми раскатистый чих, а нечто похожее на мышинный писк – «Пси-и...». И так раз десять подряд, что вызывало необыкновенное веселье у присутствующих.

Вскоре, уставший от детских ласк Мухтар, сидел у ног хозяина, а напротив, в ожидании очередной сказки, рассаживалось на маленьких стульчиках малочисленное ночное население детского сада.

Дети любили такие вечера, да и нянечке было проще. Она тут же разносила детям незатейливый ужин, который под угрозой прекращения рассказа поглощался беспрекословно.

Ночью полновластным хозяином территории детского сада, огороженной высоченным кирпичным забором, вдоль которого росли непроходимые заросли сирени и жасмина, был Мухтар.

Случалось, когда в душные летние ночи двери в помещениях отворялись настежь, Мухтар прокрадывался в спальные комнаты, где старательно вылизывал спящие детские мордочки. Наверное, своим собачьим умом он считал себя вожаком этой стаи, а детвору – щенками, которые нуждаются в его ласке и опеке. Он не понимал, почему проснувшиеся от его ласк дети, перепугано орут, а заспанная нянечка гонит его веником на улицу.

А как им не плакать, если в спальне висела огромная, не совсем качественная, выполненная в темных тонах, репродукция картины из сказки, на которой страшный серый волк, через страшный дремучий лес нес на своей спине бедных дядьку с тёткой. Детские умы додумывали, будто нес он их в свое логово, чтобы съесть. Такое продолжение сюжета им поведала одна «добродушная» нянечка.

Ложась спать, дети с головой кутались в одеяла, чтобы не видеть этой «картины ужасов». А тут, вот он – кошмар детских снов – ночью, в темной комнате у самого лица горячая «волчья» пасть!

* * *

Время шло! И не успевал дед Никифор в самой большой комнате детского сада установить ёлку, еще казалось, совсем недавно закончились последние конфеты и мандарины из серых бумажных пакетиков с новогодними подарками, а дети уже разучивали песни ко дню рождения Ленина, к майским праздникам. Вот уже и песни о школе начали разучивать. Мальчуган рос. Вместе со всеми пел, плясал, читал стихи на утренниках.

Когда ему было чуть больше двух лет, вся забота о его воспитании легла на плечи бабушки.

Случилось так, что его мама вышла замуж.

Семья Андрея, её мужа, была большой. Отец с матерью, муж и две его сестры с мужьями ютились в двух неболь-

ших комнатках. Конечно, для ее ребенка особые условия создать было невозможно, да и никто не собирался этого делать. Отец Андрея вообще поначалу был против этого брака. Но, согласился, при условии, что ребёнка оставят у родителей невестки.

Бедная мать. Ее сердце разрывалось между сыном и любимым человеком. Решением семейного совета мальчик был оставлен дома до лучших времён. Когда ему исполнилось шесть лет, мама родила братика, а ещё через четыре года – сестренку. О его переходе в новую семью вопрос уже не стоял. В такой тесноте жить было невозможно.

* * *

Однажды в середине лета детям из старшей группы объявили, что они уже дошколята и скоро состоится выпускной утренник.

Детям не верилось. Как это они не будут ходить в детский сад? А кто будет играть с нашими любимыми игрушками? А кто будет спать на моей кровати? А как же без нас дед Никифор и Мухтар? И вообще, что такое школа, как там?.. Вопросов было много. И почему-то на них был один и тот же ответ: «Другие дети».

На этот раз утренник был необычным. Стихи и песни на тему «До свидания, детский сад, здравствуй школа» закончились. Воспитатели и нянечки тайком утирали слёзы. Активисты из родителей подарили им цветы и какие-то

свертки.

– Интересно, что в них? – мучило детей любопытство.

Затем все вместе уселись за огромный стол, установленный в беседке, плотно увитой плющом и вьюнами. Здесь группа обычно обедала и проводила время летом. Тёплый летний ветерок парусом надувал марлевые занавеси от мух. Стол был накрыт не как всегда. Здесь не было так нелюбимых детьми супа, картофельного пюре и манной каши.

Стол был заставлен пирожными, конфетами, фруктами, лимонадом. Позже подали мороженное. Вот это да!

«И почему у нас раньше не было таких утренников?» – удивлялись дети.

А из динамиков, старенького проигрывателя, летело «Ямайка, ямайка» и «У моря, у синего моря...».

Уже учась в первом, втором и даже третьем классе детвора, жившая неподалеку, прибегала в свой детский сад. Им разрешали играть с детьми, со своими любимыми игрушками и ставили в пример малышне: «Вот будете слушаться и хорошо есть, тоже вырастете и пойдёте в школу».

* * *

Школа! Сколько нового и необычного в этом слове! Столько детей в одном месте Гектор не видел никогда! Здесь запросто можно было потеряться.

Наконец их завели в класс, на двери которого красовалась надпись 1«А».

Пахло краской. На светло-зелёной поверхности парт не было ни одной помарки. Новенькие чернильницы слепили своей белизной. Классная доска, на окнах цветы. А в парте есть даже место, куда можно убрать портфель! На первом уроке учительница рассказывала о правилах поведения в школе.

Прозвенел звонок на перемену. Закончился первый в их жизни урок. Немного освоившаяся малышня вывалила в школьный коридор, где тут же были забыты все слова, сказанные учителем о дисциплине.

К концу второго урока дети с непривычки устали. Преподавателя уже мало кто слушал. Наш герой от скуки принялся изучать чернильницу. Потряс ею у уха. Чернила булькают, но почему их не видно? А если наклонить? Тоже ничего! Осторожно наклоняя, он перевернул чернильницу вверх дном. Ничего не происходит! Где же чернила? А если потрясти?

Соседка по парте тоже заинтересовалась его манипуляциями. Ей тоже было интересно, почему чернила не вытекают.

И он рискнул! Встряхнул чернильницу. В ту же секунду по парте разлилось огромное фиолетовое пятно. Дети оторопели от неожиданности.

По наклонной плоскости чернила ручейками потекли в сторону незадачливых экспериментаторов. Они пытались удержать их руками. Ещё через минуту руки по локоть, лица, белый передник и белая рубашка были окрашены черни-

лами.

К ним подошла учительница и вывела эту чумазую, горько рыдающую парочку в коридор. Пока их отмывали и оттирали, уроки закончились. После уроков «любопытных» оставили в классе отмывать парту, залитую чернилами. Поскольку чернила оказались очень хорошими, то парту отмыть им не удалось.

Даже обильно поливаемое слезами, пятно не исчезало. А родители ждали за дверями. В конце концов, детей повели по домам, а папа девочки вечером заново покрасил парту краской.

Так началась школьная жизнь нашего малыша!

* * *

Наверное, у всех людей воспоминания детства связаны с какими-то образами, пейзажами, может быть, с интерьерами, запахами и событиями.

Порой у меня самого, уже взрослого человека, нет-нет, да и заскребёт где-то глубоко в груди тоска по тому беззаботному времени, когда главной проблемой было увернуться от вопросов взрослых по поводу успехов в школе и провести свободное время так, что бы опять же не попасть в их поле зрения.

Это по тем временам была достаточно сложная задача, потому что взрослые всегда появлялись в ненужном месте и в ненужное время. Сейчас-то я понимаю, почему они все-

гда все знали и все видели. Это жизненный опыт!

Не мы это придумали, но каждый год 25 мая после последнего звонка, весь школьный народ сломя голову несётся домой переполненный радостью и приятным предчувствием наступающей свободы.

В конце июня, уже бронзовые, но еще не уставшие отдыхать, радовались одной только мысли, что впереди целых два месяца, которых наверняка хватит для реализации всех планов. И, недолго думая, с еще большим рвением бросались в знойные объятия лета.

В конце июля, поняв, что еще многое не сделано, приходилось отдыхать ещё активнее и разностороннее.

Затянувшийся бег по лету заканчивался к 20 августа. После неоднократных требований взрослых, приходилось с авоськой в руках, без особой радости, брести по до боли знакомой дороге в школу за учебниками, тратить драгоценное время последних деньков на покупку тетрадей, ручек, карандашей и прочей ерунды, без которой в школу ходить не принято.

Оставалось два-три дня на то, чтобы полистать новые учебники, подогнать школьную форму, отмыть многомесячные цыпки и привести, порядком обросшую голову в соответствие с бытовавшими тогда школьными требованиями – под чубчик.

Здравствуй школа!

Общешкольная линейка. Ее взрослые придумали видно

для того, чтобы дети поняли – вот и всё, лето прошло. Ощущение этого «прошло» усиливалось запахом свежей краски, какими-то весьма специфическими запахами школы, которые трудно сравнить с чем-либо.

Особенно тоскливо становилось от того, что тело, привыкшее к сатиновым трусам и легким сандалиям, просто сковано новыми, ещё не разношенными брюками, рубашкой и ботинками.

Над школьным двором стоит гул, из которого едва различимо доносятся обрывки торжественных напутствий и поздравлений учителей, стихов первоклашек.

Вот девчушка с огромными белыми бантами бежит вдоль общешкольного каре с колокольчиком, от звука которого становится и вовсе не по себе. И чему это она так радуется?

Как и положено, сначала новые десятиклассники ведут в школу новых первоклашек, а потом справа по одному, по-классно в дверях школы исчезают и остальные. Причём чем ближе к школьным дверям, тем быстрее крутится в голове мысль: «Всё. Всё. Вот и лето прошло, прошло...».

Понимая необратимость свершившегося, начинаешь думать уже о реальных вещах – где и с кем сесть?

Особых правил в этом процессе не существовало. Дети рассаживались по взаимным интересам. Интересы в ту пору были еще далеко бесполые и определялись в основном общими уличными или школьными делами. И рассаживались, конечно, пацаны с пацанами, а девчонки с девчонками.

Входил классный руководитель и после обычных слов о начале учебного года, об ответственности за учёбу, которая обязательно должна возрасти, поскольку «... вы стали на год старше, а, следовательно, и умнее...», разрушала всю идиллию по рассаживанию. Она пересаживала ребят так, как считала нужным.

Но придерживались этого порядка только на уроках, которые вела она. Конфликтовать и проявлять неучтивость к классному руководителю было не принято.

* * *

А вот и наш Гек! Так его звали и в школе, и на улице, и дома.

Худенький мальчик, он подросток за лето и стал одним из самых высоких в классе. Живые, почти чёрные карие глаза с детским любопытством посматривали на окружающий мир. Пожалуй, немного, что отличало его от остальных детей, это природное чувство самоорганизации. Он старался ничего не забывать и не терять. Это привила ему бабушка.

Человек достаточно жесткий, она работала по двенадцать часов в сутки, и времени на сюсюкание с внуком у неё не было.

Все его школьные принадлежности всегда были аккуратно сложены в портфеле, на парте не было ничего лишнего. Такой же образцовый порядок был и дома – в шкафу, на полках, где лежали его вещи, на столе, за которым он занимался.

Лет с четырех Гек сам заправлял кровать. Он никогда не спешил, но редко опаздывал, умел рассчитывать свое время.

Не по-детски раздражался, если его внутренний упорядоченный мирок дезорганизовывался, когда его планы рушились по причинам от него не зависящим. Настырный и упрямый. Мог спорить, и даже драться до изнеможения за свои детские, порой неправые идеалы.

С детства романтик и выдумщик он легко увлекал своими авантюрными идеями сверстников. Ну, а если уж приходилось нести ответ за содеянное, не прятался за спины товарищей.

В таких случаях бесстрашно смотрел взрослым в глаза, что ими воспринималось как дерзость и страшно раздражало. На его месте другой ребенок мог бы отделаться простым нравоучением, его же всегда наказывали на полную катушку.

Наказаний не боялся, скорее, относился к ним как к неизбежности. Сказывалась закалка с раннего детства. Что может быть страшнее темного угольного чулана для ребенка в два-три года?

Взрослые, конечно чувствовали его «никакое» отношение к наказаниям, и это злило их еще больше. «Значит, неисправимый, – думали они.»

Он же зачастую думал, что надо бы и повиниться. Да не всегда хватало гибкости и, отчасти, мужества. Это всегда было труднее даже, чем понести наказание.

Такой, казалось бы, непростой, ершистый характер не ме-

шал ему быть добрым и ласковым ребенком, уважать старших, любить родных.

Пятый класс. Начальная школа закончилась. В школе ввели кабинетную систему.

В класс Гека назначили нового классного руководителя. Классной руководительнице 5-А класса было лет двадцать пять. Высокая, несколько угловатая брюнетка с тонкими чертами лица и огромными карими глазами.

Уроки по тем временам она вела достаточно демократично, никогда не повышала голоса. Именно от нее дети узнавали много нового и интересного о своем древнем городе, и не только в классе, но и во время экскурсий и походов, которые она организовывала после уроков и в выходные дни. К ее урокам старались готовиться, вели себя сдержанно и учтиво. Народ из параллельных классов завидовал. В общем, с классным руководителем, как считали ученики 5-го-А, им повезло.

ПЕРЕКУР

В Самарканде сентябрь.

Если бы не школа, то особой разницы между летом и осенью и не заметить. Та же полуденная жара, заставляющая все живое прятаться в тень. Где-то под низкими крышами, прячась в тени, воркуют горлицы.

Огромные тутовники раскинув свои узловатые ветви застыли в ожидании вечерней прохлады. Их жесткие, покрытые пылью листья слабо, как бы нехотя, колеблются в потоках горячего воздуха, поднимающегося от разогретой земли.

Высоко в голубовато-сером, будто выцветшем на солнце небе, крутится стайка голубей.

Кажется, что время застыло или от жары течёт очень медленно. Запах нагретых глиняных стен и дувалов наполняет всё вокруг.

Улицы уже не такие оживленные как летом.

Главная причина уличной сутолоки детвора – в школе.

Редкие прохожие, передвигаясь от одного пятна тени к другому, медленно тянутся по своим делам.

Все так же, после захода солнца, поливаются улицы из ведер и шлангов.

К вечеру, на узких улочках, без которых не бывает восточных городов, наблюдается некоторое оживление. Воздух пахнет пылью, прибитой водой.

То там, то тут у ворот и калиток возникают старики со своими стульчиками и скамейками.

Среднее поколение, группами человек по пять, играют в нарды, или режутся в карты, непринужденно обсуждая дневные новости.

Недалеко, занятая своими играми, носится детвора.

Но запах приближающейся осени, все-таки ощущается с каждым вздохом.

Первые недели две-три в школе творится что-то невообразимое! Это время уходит на то, чтобы школьный народ окончательно вышел из каникулярного состояния.

Гвалт, суета, массовые забеги по длинным школьным коридорам, которые нередко заканчиваются лобовыми столкновениями.

То тут, то там с подоконников летят на пол горшки с цветами, падают со стен новые, еще пахнувшие краской стенды и наглядные пособия.

Поиски виновных, которыми занимались завуч по воспитательной работе Раиса Ильинична, военрук Владимир Куртович и физрук Иван Степанович, в основном заканчивались ничем.

А в тех редких случаях, когда виновный все-таки устанавливался, эта группа организовывала «публичные казни» в присутствии класса, в котором учился проштрафившийся ученик. Конечно с последующим приглашением в школу родителей виновного!

Уже тогда эта троица носила не всем понятное название «инквизиция».

И не редко, при разборе проступка в классе, на вопрос, подкупающий своей демократичностью: «Ребята, какого наказания заслуживает виновный?», – могло непонятно откуда и кем сказанное прозвучать, – “ Сжечь на костре» или “ Отрубить голову».

Вариантов было много, что свидетельствовало о присутствии чувства юмора в общей массе.

Однако, после этой фразы и всеобщего хохота, виновный с его проблемами уходил на задний план. Начиналось расследование – кто сказал?

К всеобщему удовлетворению, следственные действия длились достаточно долго, а в особых случаях заканчивались звонком, что вызывало у подследственных особый восторг.

Еще не утрясено расписание уроков, нередки случаи отмены одного или двух уроков в течение дня.

Именно в эти моменты происходило редкое, для этого возраста, единение ребят и девчонок, когда класс в мгновение ока исчезал из школы во избежание получения какой-нибудь задачи по благоустройству школьной территории, или не дай Бог проведения урока по другому предмету!

Именно эти счастливые моменты использовались для рассказов о лете и общения в другой, не школьной обстановке.

Прятались на заднем дворе школы, в огромном саду, или уходили в Железнодорожный парк – это было надежнее.

Парк представлял собой небольшой скверик, по краю которого проходила главная аллея, соединяющая улицу Фигельского с Железнодорожной. Все остальные дорожки и тропинки, скорее можно было назвать направлениями. Они угадывались по росшим вдоль них зарослям живой изгороди и сирени.

В этих зарослях можно было обнаружить скульптуру рабочего или работницы периода «социалистического ренессанса» начала пятидесятых годов. Олицетворявшуюся профессию угадать по ним уже было невозможно, и только частые посетители знали, что это были железнодорожники.

То там, то тут, прятались скрытые от посторонних глаз скамейки. Они были того же возраста, но неплохо сохранились. Какого либо порядка в их размещении не наблюдалось.

В парке всегда было сыро и пахло прелью. Даже знойное южное солнце не могло пробиться сквозь кроны древних акаций, кленов и чинар, смыкавшихся на высоте метров десяти.

Дополняли парк две ржавые карусели, которые, судя по их внешнему виду, давно находятся на заслуженном отдыхе. Видавший виды летний кинотеатр, который в обиходе назывался «Железка», был безусловным атрибутом городских парков того времени. Он также был заброшен.

Но Гек еще помнил, как они с пацанами смотрели там фильмы, сидя верхом на стенах кинотеатра или с веток растущих близко к стенам деревьев. Если фильм был неинте-

ресным, или контролеры стогнали с «насиженных мест», пацаны удалялись вглубь парка, где в газетные кульки насыпали пыль и забрасывали эти «пылевые бомбы» через забор в зрительный зал.

Следует заметить, что такое бесчинство продолжалось недолго – до тех пор, пока этим не занялась милиция.

Редкие прохожие придавала парку еще большую схожесть с дремучим лесом. Только надписи, сделанные режущими предметами на стволах деревьев-исполинов, расположенные уже высоко-высоко над головой, свидетельствовали о том, что этим убежищем пользовались еще родители детей, учащихся теперь в соседних школах.

В парке чувствовалось устоявшееся запустение и заброшенность.

В общем, это было исключительное место для закоренелых прогульщиков, всякой школьной шушеры и «лиц вынужденного времяпровождения», как они.

Итак, укромное место найдено!

Парковая скамейка, утонувшая в гуще зарослей сирени и живой изгороди, благоустроена поставленными рядом одним большим и несколькими ящиками поменьше. Получилось нечто вроде круглого стола. Сумки и портфели свалены на стол – большой ящик.

Девчонки расселись на скамейку, пацаны на ящики. По кругу пошли конфеты, булочки, еще что-то из школьного буфета. Взвился сигаретный дым.

Покуривали тогда только ребята, да и то не все.

Самый продвинутый в этом направлении был Гришка. Годом раньше Гришка был тихим скромным мальчиком с милостивым личиком, которого до пятого класса в школу водила его тетя Маргарита Борисовна.

Маргарита Борисовна была классным руководителем у закадычного уличного друга Гектора – Юрика Сметанева, отсюда и его кличка – Сметана.

Тогда Гришка учился ровно, ни в каких авантюрах участия не принимал. Его замечали только в конце четверти, когда объявляли четвертные оценки и хвалили дисциплинированных учеников.

Опека тети его смущала, но деваться было некуда.

Во время перемен он исчезал. Только потом, от друзей из параллельного «Б» класса, где учился Сметана, одноклассники узнали, что Гришка бегал к тетке пить чай.

В шестом классе его как подменили! Он стал искать контактов с обитателями классной галерки, а для этого нужно было стать таким же, как они – учиться через пень колоду, хамить учителям, бегать с уроков и т. д. Тогда же он начал курить.

Такие резкие перемены не приветствовались ни галеркой, ни классом, ни учителями. Он попал в положение непонятого, отчего, видимо, чувствовал себя неуютно. У него появились друзья старше возрастом и с непонятными интересами.

А пока у скамейки в парке из недр его куртки возникла

распечатанная пачка кубинских сигарет «Портогас». Ребята впервые видели такие сигареты. Куда привычнее были «Прима», «Памир», в лучшем случае – «Беломор».

С хитрым прищуром Гришка протягивал пачку потенциальным потребителям. Чувствуя какой-то подвох, народ нюхал сигареты, разглядывал, мял, пытаясь нащупать что-то внутри.

Никто не закуривал. Пауза затянулась.

Опасаться было чего, особенно при такой щедрой раздаче. В пачке могла оказаться сигарета, заряженная серой от спичек. Тогда закопченное лицо, обгоревшие брови и ресницы гарантированы. Или сигарета, забитая ногтями – одной затяжки хватало, чтобы нутро выворачивалось часа два.

Так что же там? Девчонки затихли и с интересом наблюдали за развитием событий. Гришка предложил сам прикурить сигареты всем.

Одна за другой сигареты стали возвращаться к хозяину.

Вот раскурена и последняя.

Ничего не происходит.

Пацаны по-взрослому затянулись.

Еще ничего не произошло, а Гришка уже хохотал, сложившись пополам при своем небольшом росте.

И тут началось!

Первого прорвало Гарика.

Гарик – добродушный парень. Достаточно крупно сложен, с еще не прошедшими признаками детской полноты.

В шеренге он стоял первым по росту. Круглое, бесхитростное лицо, с полным отсутствием темперамента, так характерного для его армянского племени. Именно это коренным образом отличало его от старшего брата Генки, который учился в той же школе на два класса старше. Тем не менее, чувствовалось, что он в семье любимец. Так продолжалось, пока не родился младший братишка, и мать стала меньше времени уделять своему Гарику. Трудный на подъем, он иногда становился предметом насмешек и подковырок. Но, по причине своего добродушного характера, редко обижался. Да и друзья, зная его, старались не доставать.

Особого желанья учиться он не испытывал, и пользуясь покровительством матери, частенько избегал наказаний от отца.

Несмотря на свой достаточно спокойный характер, Гарик всегда был вместе с «классными активистами» и принимал участие во всех, или почти во всех их проделках.

К десятому классу за ним закрепилась кличка – «Дядюшка Чиличало». Дядюшка потому, что добрый, а Чиличало потому, что во время урока на вопрос: «Кто возглавлял коммунистическое правительство в Чили?» – он повторил подсказку Петьки – Чиличало.

Когда его окутал дым, валивший, казалось, даже из ушей, из глаз брызнули слезы и окрестности огласились раскатистым ревом, вырывающимся из его горла.

Ему вторили еще несколько участников мероприятия.

В парке поднялся невообразимый шум.

С верхушек деревьев с диким криком сорвались сотни ворон.

Этот шум заглушил все происходящее внизу.

А здесь, опираясь друг о друга, безудержно разрывали кашлем свои детские легкие еще несколько пацанов.

Все бы ничего, да только уже через пять минут все толпа кубарем летела через парк, прикрывая головы сумками, папками и портфелями под плотно падающим сверху вороньим пометом. Уделаны были все, с головы до ног. Естественно в школу уже никто не пошел. Обходными путями пробирались домой, чтобы не нарваться на ненужные расспросы.

На следующий день, на первый урок вместе с классным руководителем в класс вошли члены «инквизиции».

Горькой детской правде о вынужденном прогуле, конечно, никто не поверил. Окончательная точка в этой истории была поставлена через несколько дней, на родительском собрании.

Родители все до одного, как это ни показалось странным членам педсовета, подтвердили версию прогульщиков.

Гришка же и в самом деле ничего с сигаретами не делал. Просто сигареты были сделаны из отходов кубинских сигар, и такой их крепости никто не ожидал.

В отместку учителя пытались прилепить этой незадачливой группе кличку «вороньи пастухи».

Но школьная правда неумолима! Всем известно, что жи-

вут только клички придуманные учениками, а не наоборот.

ГРУНЯ

Октябрь заканчивался. Воздух стали наполнять запахи томатной пасты, которую производили многочисленные, близлежащие консервные заводы, запаренного укропа, забродившего винограда.

Первые желтые листья навевали грусть.

Базарчик, расположенный по дороге в школу, аппетитно благоухал восточными ароматами специй и свежей зелени. Он всегда был завален овощами и фруктами.

Для мальчишек, кто жил недалеко от базара, наступала пора, когда можно было заработать немного денег или ящик-другой помидоров, пару арбузов, дыню.

На базаре для них всегда находилась работа. Что-нибудь разгрузить, посторожить, перебрать и т. д.

Базарные торговцы понимали, что если местные пацаны спрашивали работу, то лучше ее дать, иначе чего-нибудь не досчитаешься, но уже безвозмездно.

Надоедливых, как мухи, пацанов можно было вежливо отгонять, но ни в коем случае не применять крепкие слова, а уж тем более силу.

Уличное братство – великая вещь!

Они могли пожаловаться своим старшим братьям или товарищам, и тогда продавцу приходилось искать место на другом базаре.

Сохранялся вынужденный, со стороны базарных обитателей, нейтралитет по отношению к местной шантрапе.

Вся эта идиллия длилась от силы недели две. За это время все свободное пространство в доме было завалено овощами и фруктами, которые потом неторопливо перерабатывались во всевозможные варенья, соленья, компоты, соки и т. д.

* * *

Школьная жизнь шла своим чередом.

Класс жил дружно! Никто ни кого не выдавал. Гришкины попытки лидерства оканчивались ничем. На переменах обсуждали новые фильмы, планировали всякие приколы.

Несколько уроков подряд доставали учительницу узбекского языка.

То парафиновой свечкой натрут доску, да так, что писать на ней нельзя очень долго, то весь класс начинал, не раскрывая рта, зудеть. При этом все громче и громче.

Преподаватель хваталась за голову, не понимая, то ли это с ней что-то происходит, то ли это какие-то внешние факторы. В конце концов, сославшись на резкое ухудшение состояния, она уходила, не закончив урок.

Трудно вспомнить, кто придумал, но это был уже не приколы, а целое мероприятие, в котором из солидарности, должны были принять участие все присутствующие в классе пацаны.

А нужно было после переключки, с последней парты вы-

лезти в окно, по водосточной трубе спуститься со второго этажа, и вновь, как ни в чем не бывало, войти в класс. Все!

Преподаватель в недоумении продолжала отмечать в журнале присутствующих, а народ все шел и шел, и, казалось, конца этому потоку не будет.

Гришка и Петька проделали эту операцию без осложнений и, уже отмеченные в классном журнале по второму разу, сидели на своих местах.

Класс уже перестал реагировать на эту шутку, преподаватель тоже. Ее главной задачей было привлечь к себе внимание. Получалось плохо. Уроки узбекского языка по значимости приравнивались к трудам и физкультуре, отношение было такое же.

Следующим был Гарик, за ним Груня – Сашка Громов.

Груня учился с ними с первого класса. Небольшого роста, а вернее самый маленький в классе, юркий, не по годам жилистый, белобрысый, с серыми глазами, на которые был низко надвинут лоб, что делало его вечно угрюмым.

Несоразмерно длинные руки с крупными ладонями. С вздорным характером, вспыльчивый, он не признавал никаких авторитетов кроме силы. Поэтому не было дня, чтобы он не был битым.

Били его дома, на улице, в школе – всегда и везде. Тем не менее, изгоем он себя не чувствовал, не помнил зла, мог делать доброе и полезное, но для этого нужен был специальный подход.

Детей в семье Громовых было пятеро, и все учились в той же школе, но в разных классах. Родители работали на железной дороге рабочими, дома бывали редко, поэтому все воспитание детей легло на старшую сестру Нину, которой едва исполнилось шестнадцать.

Сашка выскользнул в окно, вот голова его опустилась ниже подоконника и исчезла. О нем уже забыли. Вдруг с улицы раздался грохот, вопли Груни и еще какие-то крики. Все, присутствовавшие в классе, разом бросились к окнам, едва не сбив по пути преподавателя.

На школьном дворе разворачивалась следующая картина. Груня весь перемазанный, в разорванных штанах бегал по двору с куском водосточной трубы длиной метра в три.

За ним с палкой в руках носился Иван Степанович.

Когда он настигал Груню, тот останавливался и начинал размахивать трубой так, что почтенный инквизитор не мог к нему подойти под угрозой удара. Все это происходило под улюлюкание толпы во дворе, а через минуту-другую к ним присоединились и все, кто наблюдал этот инцидент через раскрытые классные окна.

Такого рева на соседних улицах не слышали никогда! Школа стояла на ушах! На проезжей части дороги, проходившей рядом со школой, стали останавливаться автомобили. Прохожие с противоположной стороны улицы бежали к школе. У многих там учились дети, и они были готовы их спасти, но еще не было понятно от чего.

Через пять минут необычного кросса Груня выдохся. Наверное, сказался вес трубы. Она полетела под ноги Ивану Степановичу.

Поскольку бежал он уже вплотную к Груне и в следующую секунду должен был схватить его за шиворот, то среагировать на трубу уже не успевал.

К всеобщему восторгу, он случайно вскочил на катящуюся трубу и еще несколько метров балансировал на ней, перебирая ногами, как искусный циркач. Через мгновение, с криком обреченного, он кубарем покатился по земле, и вместе с трубой скрылся в клубах пыли.

Всеобщее ликование достигло апогея! К дружному реву воспитанников школы присоединился хохот прохожих на улице.

Пыль рассеялась. Основательно вывалянный в пыли, с перекосенным от гнева лицом, преподаватель искал глазами виновника своего позора. Груня исчез! Пыль осела, народ стал расходиться. Инцидент был исчерпан. Урок, к всеобщей радости учащихся, сорван.

Прозвенел звонок и Грунины одноклассники со всех ног бросились во двор к месту происшествия. Во дворе директор школы распекала Ивана Степановича за несдержанность и срыв урока.

К ним уже подходили классный руководитель 5-А и учительница узбекского языка.

И тут все «трюкачи» почувствовали, что праведный гнев

педагогов обрушится на них – на всех, кто принимал участие в этом «групповом акробатическом номере». На следующих уроках в классе была примерная дисциплина. Куролесить не хотелось, ждали развязки.

Наконец, вот оно! Перед концом последнего урока в класс заглянула классная и предупредила, чтобы никто не расходился – будет педсовет, прямо в классе.

Такого еще никогда не было. Слабая половина класса глухо роптала по поводу вынужденной задержки в школе.

У Гека противно сосало под ложечкой.

– Зря мы все это учудили, – думал он с сожалением, – теперь достанется всем!

В класс вошли классная, директор школы, преподаватель узбекского языка и еще несколько педагогов.

Чувствовалось общее возбуждение.

Фамилии виновных уже были известны.

«Трюкачей», перечислив поименно, вежливо попросили встать.

Ничего хорошего это не сулило.

Завуч нудным голосом начала повествование «о гнусном поступке, совершенном группой учащихся». Им припомнили все, даже то, о чем неслухи сами давно забыли. Распекание продолжили другие преподаватели. Нового и интересного в их речах уже не было.

Класс ждал вердикта!

Вдруг в кабинет, нарушая всю серьезность ситуации, вле-

тел Иван Степанович. Он прошел к директору и несколько минут что-то шептал ей на ухо.

Лицо директора стало приобретать сначала удивленный, а затем испуганный вид. Когда физрук закончил, ее лицо выражало ужас!

Приглашая преподавателей с собой, она стрелой вылетела из класса.

Каких же усилий стоило ей придать такое ускорение своему телу, небольшой рост которого практически равнялся его ширине?

Дети остались одни в жутковатой тишине. Им уже не хотелось ничего, кроме как очутиться дома.

Через минут десять, с расстроенным лицом, появилась классная и объявила, что все свободны.

Такого окончания никто не ожидал.

Вышли во двор, где в это время озабоченно сновали с лестницами, цепями, баграми и еще не понятно с чем, какие-то мужики.

Внимание всех было приковано к огромному тополю.

На высоте метров десяти, среди листвы просматривалось белое пятно. Как оказалось, это было лицо перепуганного до полусмерти Груни! Он, уже пару часов сидел на дереве, на которое забрался с перепугу.

Директор и классная пили валерьянку и нюхали нашатырный спирт.

Снизу один из преподавателей спокойным голосом разго-

варивал с Груней. Он просил его ничего не бояться и продержаться еще несколько минут. Ребята стали понимать всю серьезность происходящего. От напряжения и страха ноги и руки у Сашки видимо затекли. Вниз он смотреть боялся.

Снял его ни кто иной, как Иван Степанович.

Забравшись на дерево при помощи пояса и когтей электромонтера, он отцепил Груню от веток и посадил его между собой и стволом дерева. Груня обнял его как маму родную – руками и ногами. И уже ничто не могло заставить его отцепиться.

Осторожно передвигая пояс, и переставляя когти, Степаныч спускался.

Было слышно, как он ласково успокаивал Сашку, будто это был не Груня, а его собственный ребенок. Подъем и спуск заняли не более получаса, всем же показалось, что прошла целая вечность.

Степанычу помогли отцепить пояс, снять когти и встать на землю. Сашка в него словно врос и не хотел расцеплять руки и ноги. Так они и уехали на скорой.

Детей, наполнивших школьный двор, разогнали по домам. Отношение к худенькому, тщедушному учителю изменилось. Доставать его на уроках перестали. Он это почувствовал.

До окончания школы преподаватель и ученики 5-А жили дружно.

Из состава ” инквизиторов» Иван Степанович вышел.

Позже ребята узнали, что он был мастером спорта по гимнастике, прошел всю войну в разведроты.

На следующий день и учителя и педагоги были предупредительно вежливы. Груня с нервным шоком, а директор с сердечным приступом лежали в больнице. О происшествии никто старался не вспоминать.

Грунины одноклассники притихли, на уроках был порядок. Долго еще по школе ходил шепоток об этом происшествии.

Груня стал как-то серьезнее, но до конца своего пребывания в школе так и не смог выразить чувство благодарности учителю, спасшего его.

А пребывать в школе ему оставалось недолго. Уже на следующий год в класс он не пришел, а позже одноклассники узнали, что школу он бросил окончательно, и все-таки попал в специнтернат для «особо одаренных» детей.

Так Сашка пропал из виду, дальнейшая его судьба осталась неизвестной.

УЛИЦА ТИТОВА

А на улице Гек и его компания продолжали жить прежней жизнью. Самыми популярными играми были прятки, пятнашки, футбол и «войнушки».

Если играли в войну, то «наши» и «фрицы» были известны заранее.

Главным «фрицем» обычно был кто-то из младших. На него одевали откуда-то добытую, старую железнодорожную фуражку, сажей рисовали усики под Гитлера, затем давали время организовать оборону.

«Фрицы» занимали какую-нибудь траншею или котлован. Благо новостроек рядом было много.

Обороняющиеся «фрицы» использовали все подручные средства, чтобы не допустить «наших» в эти «окопы».

Кроме деревянных автоматов и ружей, «огневым средством» были комья сырой глины.

Главная задача нападавших – это под градом «глиняных снарядов» ворваться в «окопы» противника, в рукопашной схватке захватить в «плен» «фрицев» и их «фюрера», выпытать где спрятан их «штандарт» (белая со свастикой тряпка на древке) и «главный склад».

В главном складе хранились горсть конфет, спички, пара сигарет, семечки или еще какая-нибудь мелочь, которую «воюющие стороны» собирали вместе.

«Наши» под одобрительные крики зрителей, среди которых нередко были и взрослые, с криками «Вперед! За Родину! Бей «фрицев!» врывались в окопы противника.

Начиналась рукопашная схватка, в процессе которой исход битвы зависел уже от того, кто сильнее.

Как правило, побеждали разъяренные прямыми попаданиями в туловище, голову, не редко и в лицо, «наши».

Особо оценивались попадания в голову.

Пленных «фрицев» за такую меткость отпускали, а «наших» награждали орденами, медалями (конечно самодельными из картона) и присвоением очередных воинских званий.

Оставшихся пленных вели на допрос.

Следуя исторической правде «фрицы» раскрывали все свои секреты. Уставшие, перемазанные глиной с ног до головы «победители» и «побежденные» расходились по домам. Количество участников таких батальей достигало порой 30 человек, особенно если сражались улица на улицу.

Наверное, участие в играх, в которых, так или иначе, присутствовал патриотизм, зачатки армейской дисциплины, делали их патриотами своей страны, воспитывали чувство безусловной необходимости службы в армии.

Вопрос служить или нет, вообще не обсуждался. Служить! И никаких других вариантов!

Конечно основная масса хотела быть десантниками, разведчиками, на худой конец летчиками или пограничниками.

О службе во флоте ребятня не могла даже мечтать.

Где жили они, а где море? И все же мечтали. Не все, конечно, единицы.

Одним из них был Гек. Кто, как ни он – романтическая натура, любитель путешествий и приключений, не мог не мечтать о море, которого никогда не видел, но живо представлял по книгам и фильмам.

* * *

Поскольку «фрицы» иногда восставали и отказывались проигрывать, приходилось играть в казаков-разбойников.

Кто и когда научил их этой игре, уже никто и не помнил. Играли самозабвенно, допоздна, пока родители не разгонят по домам.

Полею для многих игр была улица, которая раньше называлась Кооперативная, а с года 64-го – Титова, перпендикулярная ей Интернациональная, раньше – Армянская (там действительно жили в основном армяне) и конечно плоские саманные крыши близлежащих домов, чердаки и сады, исследованные ими до мелочей.

В свое время улица, на которой жил Гек, была центральной транспортной артерией связывающей район вокзала со старым городом и называлась Черной дорогой.

Черной ее называли за дурную славу. Говорили, что раньше нередкими были случаи грабежей и разбоя на этой дороге, выводившей путников к известному самаркандскому ба-

зару, существующему на этом месте уже более двух с половиной тысяч лет.

По булыжной мостовой с грохотом катились арбы с поклажей, запряженные ослами и лошадьми. Редко проезжали пассажирские автобусы и грузовики.

В другую сторону улица, наполненная запахом свежееиспеченного хлеба, пролегла мимо пекарни, где работала бабушка Гека, мимо привокзального базара, пересекала улицу Октябрьскую, и упиралась в уже известный Железнодорожный парк.

В пятидесяти метрах от дома, где жил Гек, была керосиновая лавка, в которой старый армянин Гурген торговал керосином, фитилями к керосинкам и лампам, спичками и мылом. В неизменной, выцветшей от времени форменной фуражке-сталинке, рабочем халате, поверх которого, надет кожаный фартук, юфтевых сапогах ручного производства, галифе образца Второй Мировой, он ретиво охранял территорию, прилегающую к лавке, от приближения Гека и его друзей.

Старый керосинщик понимал, что такой пожароопасный объект, как его лавка и эти пацаны, – вещи несовместимые. Его лицо становилось добрее, и седые, насквозь прокуренные усы, добродушно обвисали только в одном случае – когда детвора появлялась на пороге его владений с бидоном для керосина.

* * *

Слово «ветеран»... Тогда его употребляли очень редко и в основном, когда это касалось участников гражданской войны, Великой Октябрьской революции.

Да, да. Не надо удивляться они еще были живы, посещали школы, рассказывали о своих походах, встречах с легендарными личностями, такими как Фрунзе, Тухачевский, Блюхер. Помню в году 69-м, на один из уроков, в канун 7 Ноября к нам в класс пришел белый как лунь дедушка, который принимал участие в штурме Зимнего дворца и лично разговаривал с Лениным.

Так, что рядом с этими людьми солдаты Второй мировой выглядели, наверное, юнцами.

Героев и инвалидов войны было еще достаточно много. Почти у всех друзей Гектора или отец, или дед, или кто-то из родственников воевал.

Солдаты Второй мировой были еще далеко не пенсионеры, работали и жили как все. Пили, гуляли, курили махорку, а иногда и дрались, да еще как!

Частенько можно было встретить спившегося инвалида без рук, или без ног, или слепого, побирающегося у базара – самого людного места. Милиция их гоняла, а сердобольное население всегда вставало на защиту.

Пацаны относились к ним с благоговением, поскольку подвыпивший солдат мог рассказать много интересного про ту войну, войну, в которую они так часто играли. В общем,

чувствовалось, что эта Победа была не так уж и давно.

Особым днём, наверное, как и сейчас, был именно этот день – День Победы.

Ясный, погожий весенний денёк начинался всегда как-то тихо и осторожно. Ранним утром, в солнечной дымке начинающегося дня появлялись одиночные прохожие уже наряженные и уже куда-то спешащие.

Постепенно эти людские капли стекались в тонкие струйки, затем в ручейки и вот огромные, плотные, нескончаемые колонны людей наводняют город.

Ветераны идут своей колонной. Кто-то внутри колонны резко ведет отсчёт: «Раз, два, левой. Р-аз и р-аз, раз, два, три ...». Идут молча без суеты, стараясь печатать шаг. Слышно как позвякивают награды.

Начинаешь понимать, какая это была сила. Сила духа, сила воли – мощь нашего народа, нашего государства. Гордость за них, за нас – их прямых потомков распирает грудь и сейчас.

Блеск орденов и медалей, запах сирени, тюльпаны, цветы, море цветов и кумача, грохот духовых оркестров, нарядные, улыбающиеся люди.

И вот с грохотом и шумом праздник, взорвавшись, потек по каждой площади, по каждой улице, по каждому переулку. Праздник, великий праздник!

Он чувствовался нутром, на подсознательном уровне. Кто и когда вложил в нас такое трепетное отношение к этому

дню? Наверное, это было уже в генах.

* * *

В другую сторону по улице – лавка старьевщика и винная лавка, где завсегдаем был дед Гека. На углу пересечения с Армянской улицей – известковая будка, в которой торговали известью, кистями и прочей скобяной мелочью.

Через дорогу, насквозь пропахшая горячими лепешками, пловом и шашлыком, чайхана с огромным хаузом, местами затянутом ряской. В него как в зеркало смотрелись древние плакучие ивы. Поговаривали, что этой чайхане лет триста.

Чайхана! Чтобы понять значение этого слова, нужно родиться и жить на Востоке. Рано-рано утром, когда первые лучи солнца еще не разогнали ночной мрак, цепляющийся за закоулки, кроны деревьев и подворотни, позевывающий чайханщик начинает свой трудовой день.

На улицу выносится огромный самовар. Его растапливают одновременно с тандыром и очагом, на котором стоит большой казан.

К началу рабочего дня нужно успеть напечь лепешек и вскипятить самовар.

Его помощник, не спеша, начинает устилать топчаны паласами. Поверх паласов расстилаются курпачи, раскладываются подушки – ястык. Низкие столики накрываются клеенкой. Вот уже и лепешки готовы, и самовар закипает.

Первые клиенты – это старики, живущие рядом. Они вста-

ют раньше всех и, чтобы не беспокоить домашних, с утра пораньше собираются в чайхане.

В это время можно увидеть всех, кто идет на работу.

Кто-то забежит по дороге за парой лепешек, кто-то в утренней тишине выпить пиалу, другую чаю, перекинуться парой слов, послушать вчерашние новости, если в запасе есть минут десять – пятнадцать.

Пока старики и прохожие обмениваются традиционными приветствиями, чайханщик начинает делать заготовки к плову или шурпе.

Традиционные приветствия! Не может быть на Востоке сухого «здрассте», оброненного сквозь зубы или брошенного через плечо на ходу.

Это, как и все здесь – церемония.

Младший обязан поздороваться первым. Приложив левую руку ладонью к груди и слегка поклонившись, произносит фразу, которую можно перевести приблизительно так: «Здравствуйте, уважаемый. Как ваше здоровье? Всё ли хорошо у вас в доме? Как дети, как жена? Как хозяйство? Как скотина? Дай бог вам здоровья и долгих лет жизни». И он не повернется к старику спиной, пока тот не закончит свой ответ.

Старики кроме стандартных фраз обязательно спросят о чем-нибудь личном. К примеру: «Когда ждешь пополнения в семье? Как учится твой сын? Как дела у дочери в институте? Как у тебя на работе?» – или еще что-то.

Поприветствовав людей, спешащих на работу, попив чайку, старики расходятся.

В чайхане начинается рабочий день. Готовится обед, наводится порядок. Ближе к обеду начинают подтягиваться клиенты.

Не принято в Узбекистане, чтобы человек каждый день ходил обедать в другую чайхану. Чайханщик же отлично знал вкусы всех своих завсегдатаев. Кому поострее, кому пожиже, кому погорячее. Такой подход в первую очередь устраивал посетителей.

Вечером, когда работа по обслуживанию клиентов заканчивалась, чайхана становилась чем-то вроде клуба для мужчин этой махалли.

Здесь, у воды отдыхали от изнуряющего дневного зноя, делились новостями, играли в карты, нарды, пили чай обсуждали цены на базаре, решали вопросы когда и кому проводить свадьбу, как и когда строить дом или делать ремонт, да и мало ли что ещё требовало общего обсуждения и совета.

О свадьбах следует заметить, что никогда в махалле не могло быть две свадьбы в один день. И понятно, ведь пойти к одному соседу и не пойти к другому – это верх неуважения!

Днем в чайхане всегда были посетители. Они восседали на глиняных топчанах, прижатых к самой воде. По проходам сновали расторопный чайханщик и его помощник.

Поскольку спиртным в чайхане не торговали, а приносить

и распивать было запрещено, то чайханщик приторговывал своей водкой и вином (последнее бралось в лавке напротив), услужливо разнося напитки в заварочных чайниках в целях конспирации. Все шло чинно и благородно!

Однако к вечеру кто-нибудь из посетителей, так или иначе, напивался. Начинались выяснения отношений, которые заканчивались при первом же замечании стариков, занимавших отдельный топчан. Слово старшего – закон!

Нередкими были и случаи, когда ослушников вылавливали из хауза и с позором изгоняли. Как-то все обходилось без милиции. Традиции и нравы обуславливали порядок.

* * *

В национальном плане улица, где жил Гек, представляла Ноев ковчег.

Здесь жили таджики, иранцы, армяне, русские, крымские и казанские татары, украинцы, белорусы, бухарские евреи.

Дети особо и не разбирались, кто есть кто. В их повседневном общении хватало языка, который несведущему человеку показался бы тарабарским. Это была мешанина из почти всех языков, свойственная только жителям благословенного города Самарканда. В дальнейшем этот говор стал чисто самаркандским сленгом, который и сегодня узнаваем в любой точке мира.

Население улицы обитало в саманных домах, построенных из глины, смешанной с соломой, или из сырцового кир-

пича. Крыши тоже ежегодно заливались глиной, смешанной с соломой.

И только гораздо позже кое-где стали появляться шиферные кровли – удовольствие это было не всем по карману, поэтому жили, как и, пожалуй, лет сто назад.

Плоские глиняные крыши были излюбленным местом для детских игр, что категорически запрещалось. В мае эти глиняные островки покрывались ковром из полевых маков.

Хорошо под вечер после изнуряющего дневного зноя собраться небольшой ватагой на одной из крыш, чтобы послушать рассказы друг друга, а потом и заночевать здесь же в ночной прохладе под ласковые дуновения ветерка.

Крыши, как правило, располагались в двух—трех метрах друг от друга. Поэтому не составляло особого труда, где перепрыгивая с одной крыши на другую, где короткими перебежками по земле выбраться за город в двух – трех километрах от дома, или совершить налет на сады, в которых в разное время поспевали разные фрукты.

О сроках их созревания знали не только хозяева, но и живущая по соседству детвора.

С крыш было удобно обирать деревья, да и в случае опасности, это был удобный путь к отходу. Взрослые за налётчиками по крышам не гонялись – можно было провалиться.

В общем, несмотря на возраст, детвора не забывала и про меры безопасности. Не столько сами фрукты, сколько чувство риска, опасности, возможной погони гнали их в эти

опасные путешествия.

ОБЩИЙ ДВОР

Двор, в котором рос Гек, до Октябрьской революции был караван-сараям, то есть постоянным двором, и ничем особенным не отличался. Все те же глинобитные мазанки с низкими потолками.

Скорее всего, когда-то это были номера для постояльцев и навесы для их ослов, коней и арб, а уже позже их «национализировали», приспособили под жильё и заселили.

Самое интересное, что бывшие хозяева караван-сарая жили здесь же, и особой вражды к новым жильцам не испытывали. А, может быть, просто делали вид, что смирились.

Один общий туалет, одна колонка – коммуналка, только на земле, под открытым небом.

Справа от ворот жила семья Гектора. Две крохотные комнаты и прихожая, которая в зимнее время служила кухней. За стенкой летняя кухонка, в которой с трудом могли развернуться два человека. Двери из дома и летней кухни выходили во дворик, отгороженный от общего двора штакетником. Площадь дворика вряд ли превышала 8—10 квадратных метров. Укрытый сверху виноградником, он вмещал старый колченогий стол, стоявший вдоль заборчика, отделяющего их от соседей. Пара похожих на стол стульев, верстак шириною в одну доску, вечно заставленный вёдрами с водой. В конце верстака на столбике умывальник, под ним таз. Вот

и все владения!

В полотне входной двери существовала форточка, что делало сам дом схожим с домиком дядюшки Тыквы из сказки «Чиполино». С единственной виноградной лозы ежегодно собиралось до трех ведер кишмиша.

Напротив, в двух комнатах, жили Елизавета Викторовна и баба Груня со своей снохой Ниной. В комнате Елизаветы Викторовны было одно окно. Она жила одна. Иногда её навещала младшая сестра. Редко из Ташкента наезжал сын Виктор с семьёй.

Муж Нины пропал без вести на войне, дети умерли в блокадном Ленинграде. Нина, как и многие тогда, отсидела свои десять лет, и поскольку идти ей было некуда, стала жить со своей свекровью. В их комнате окон не было вовсе. Таких глухих комнат в общем дворе было много.

Особой красотой жильцы этой комнатухи не отличались. Иссушенная невзгодами и возрастом, который для нее, казалось, остановился годах на восьмидесяти, сторбленная баба Груня и почти такой же комплекции, но намного младше – тетя Нина. Она так и не смогла избавиться от лагерных привычек ругаться матом и курить “Беломор».

Баба Груня нюхала табак, от которого, несмотря на всю свою немощь, чихала так, что со всех углов двора ей кричали: «Будь здорова».

Тем не менее, несмотря на всё, что им пришлось пережить, женщины были очень добры к соседским детям. У них

всегда для плачущего ребенка находилась конфетка или кусочек рафинада, пусть даже и с прилипшими крошками табака.

Несколько иной, но такой же нелегкой, была и судьба Елизаветы Викторовны. Она была из дворян. Ее отец занимал высокий пост при последнем губернаторе Самарканда, о чем свидетельствовали многочисленные старинные фотографии, которые Гек с ее внуками Колькой и Ольгой с интересом рассматривали тайком от нее. Сама она показывать их не любила, хотя и были эти фотографии одними из немногих вещей, оставшихся у нее от прежней жизни.

В первые дни захвата власти в городе, большевики на глазах дочерей расстреляли родителей. Старшую сестру арестовали и увезли. В семнадцать лет она попала в лагерь. Вернулась она, отсидев восемнадцать лет и пройдя всю войну.

Лиза смогла убежать. А было ей в ту пору всего четырнадцать лет. Полуживую от голода и горя, ее, далеко за городом, подобрал таджик и, накрыв своим халатом, на арбе привез к себе домой. Так начался ее период уже далеко не светской жизни, жизни в кишлаке.

Вскоре она стала второй женой того человека, который подобрал ее на дороге. Свадьба была настоящая, а женой она была фиктивной. Юную Лизу можно было спасти, только превратив ее в кишлачную таджичку, что и было сделано. Так дочь высокопоставленного царского сановника исчезла из поля зрения ЧК.

Как сложилась ее жизнь в новой семье неизвестно, но она всегда с чувством глубокого уважения вспоминала об этом человеке, который, несмотря на огромную опасность, спас ее, взяв к себе в дом.

Спустя десятки лет его сын часто навещал Елизавету Викторовну, всегда привозил гостинцы, возился с ее внуками. Их отношения были похожи на отношения брата и сестры, хотя он к ней обращался только на «вы».

Многим было непонятно, что могло связывать, таких разных людей.

От прошлой жизни кроме фотографий у Елизаветы Викторовны сохранилась статная осанка, гордо посаженная голова. Выцветшие с возрастом голубые глаза сохранили искорку озорства, что, в общем-то, и определяло ее весьма подвижный, резкий, и в то же время, справедливый, добрый нрав, свойственный только людям сильным духом.

Перед войной она вышла замуж за офицера. Муж погиб в первые дни войны под Брестской крепостью. От него родила сына, который был для ровесников Гека – дядей Витей. Гек гордился соседством с ним. Дядя Витя работал геологом. А для Гека это была героическая профессия.

Елизавета Викторовна оставшись с сыном на руках, была эвакуирована из Белоруссии в Узбекистан. Так она попала в город своего детства во второй раз. Где и осталась навсегда. Долгое время она пыталась отыскать могилу родителей, но так и не смогла.

Вся эта коммуналка очень много читала. Жили они общим столом на скудные пенсии.

Работала только Нина – бухгалтером на консервном заводе «Серп и молот».

У них за стеной жила шумная и многолюдная для русских семья. В двух комнатках ютилось пять человек. Старшие – т. Нюся и д. Ваня, их дочь Любка с мужем Юрой и внучка Ленка. Их звали по фамилии зятя – Бригинские.

Связано это было с Любкой. Яркая, фигуристая блондинка со взрывным, весьма шумным характером, она постоянно требовала к себе всеобщего внимания. Волосы – светло-русская копна, напоминающая прическу Ленина на октябрятской звёздочке. Она родилась и выросла сорванцом. С юности ходила в лидерах, пользовалась уважением среди вокзальной шпаны, могла постоять за себя. Существенным дополнением ее портрета был громкий голос и вызывающий смех.

Кроме всего прочего, она была крестной матерью Гека, при разнице в возрасте в 15 лет.

Что-то ей досталось от матери – бойкой и, весьма подвижной женщины, а в остальном она ушла далеко вперед.

Дядя Ваня – инвалид войны, несмотря на свою искореженную руку слыл неплохим столяром и плотником.

Гек мог часами наблюдать за его работой. Старик видел интерес ребенка к его ремеслу и учил его азам.

Юра Бригинский – детдомовец, окончил школу помощников машинистов тепловоза, и всю жизнь проработал на же-

лезной дороге. Он всегда то в поездке, то спит после поездки, то на рыбалке или охоте. Жгучий брюнет, армянского облика, этакий живчик, он не мог без движения и даже ходил вприпрыжку.

Всем в доме заправляла, конечно, Любка. Жили они по тем временам неплохо. В доме не переводились конфеты. Ленка с детства была наряжена как кукла. Из поездок Юра привозил ей невиданные в их краях игрушки.

У них у первых на улице появился мотоцикл, а лет через десять и «Жигули». Поддразнивающее хвастовство было присуще практически всем членам семьи кроме Юры.

Напротив них за стеной Гека жили Сторожевы. Славка с женой Валей, его мать и две дочери Ира и Наташка. Он железнодорожник, мастер на все руки, Валя медсестра. Дети много младше Гека, поэтому в его памяти остались лишь симпатичные детские лица.

Славка – голубоглазый блондин, здоровяк, балагур, не прочь выпить, подраться, пошуметь, погонять жену, попеть под собственный аккомпанемент на гармошке или гитаре. Приколы, анекдоты, смех – вот в двух словах его портрет. В конце концов, он бросил семью и ушел к какой-то буфетчице из вагона-ресторана.

За Сторожевыми жили Кочетковы д. Саша и т. Дуся. Она тихая женщина, всю жизнь проработала нянечкой в детском саду, он – стал инвалидом войны так ни разу и, не надев военной формы. В 1943 году их – мобилизованных ребят везли

на фронт. Поезд попал под бомбежку. Он был ранен, потерял руку. Кочетков не считал себя ветераном и всегда со смущением принимал поздравления с Днем Победы. Детей у них не было. Наверное, поэтому внимания т. Дуси хватало на всю дворовую ораву.

Дальше жили Бурленковы. Т. Ася – работала фасовщицей на чаеразвесочной фабрике. Боевая женщина, народный депутат, орденосеи. Посменная работа, общественные нагрузки, партийная жизнь не помешали ей нарожать трех сыновей, и в свободное от работы время приторговывать украденным с фабрики чаем. Тогда с работы несли всё и все! Даже орденосеи!

Д. Коля – детдомовец, после ремесленного училища окончил вечернюю школу, индустриальный техникум, работал бригадиром монтажников на механическом заводе. Мог выпить, поскандалить с женой, если она была дома, построить сыновей или, в зависимости от настроения, дать по рублю. Обычно это происходило раза два в месяц – в день аванса и в день полочки, да плюс в праздники. В пьяном виде он приставал ко всем с разговорами, которые заканчивались всегда одним и тем же – жалобами на недостаток внимания со стороны жены.

Дети – старший Васька, средний Вовка, младший Сашка. С Васькой Гек ходил в один детский сад в круглосуточную группу. Он на год старше Гека, Вовка на два – младше. Сашка младше лет на пять, поэтому он относился к разряду

малышни. Васька худющий, высокий подросток с угреватым лицом заменял младшим братьям и отца и мать, которых никогда не было дома. В его обязанности входило всё: стирка, уборка, мытьё посуды, покормить и вымыть младших, присматривать за ними на улице.

Поэтому он всегда был чем-то занят. То что-то варилось, то что-то кипятилось, то за Сашкой нужно присмотреть, пока он спит. В такие минуты, когда руки ничем не заняты, Васька читал, читал, читал.

В связи с тем, что благодаря существованию младших братьев детства у него не было, особой любви он к ним не испытывал. Так, жизненная неизбежность!

В редкие свободные минуты он мог просто постоять у ворот. В проказах дворовых ребят он участия не принимал. Когда мать или отец были дома, мог поиграть в футбол или еще какие-нибудь незапрещенные игры. Его начитанность никак не сказывалась на положении в уличной иерархии. Учился он так себе. Был все время как-то зажат в ожидании подвоха или прикола, что придавало его поведению и внешнему виду постоянную настороженность и готовность дать отпор.

А вот драться то он и не умел! Наверное, сильно ограниченная свобода в детстве наложила отпечаток на всю его взрослую жизнь. Из армии его комиссовали, первый брак не сложился. Работал токарем на заводе и всегда читал. Может быть, это и был его смысл жизни – жить без моральных проблем, потрясений, тихо и размеренно, рядом с родителя-

ми, тем более, что братья выросли и он был предоставлен сам себе?

Их внутренний дворик был гораздо больше чем у всех. Во дворе росла старая шелковица, затенявшая весь двор.

Сколько времени было проведено под ней в жаркие летние дни за игрой в карты, нарды и т.д., помнила только она, пока ее не спилили.

На Бурленковых длинная часть двора, по форме напоминающего сапог, заканчивалась. Здесь была одна на весь двор водопроводная колонка, общий туалет.

Дальше, деля широкую часть надвое, жили семьи двух братьев, отец которых и был когда-то хозяином караван-сарая. Их собственные дворы по площади вдвое превосходили весь вместе взятый общий двор. В каждом дворе был свой сад, виноградник, огород, хозяйственные постройки, в которых содержался скот, и конечно просторный дом.

Детей, как и положено в нормальной таджикской семье – по 5—7 человек. Гек был ближе с детьми из семьи, которая занимала левую половину. Глава семьи – Исмат-ака воевал, был ранен в ногу, после войны работал на руководящих должностях.

Будучи средним сыном у родителей, он занимал положение главы рода, был уважаемым человеком во дворе, на улице и, пожалуй, во всем районе. У него было семеро детей – четыре сына и три дочери. Самый младший из сыновей – Раис был ровесником и другом Гека. Учился он в узбекской

школе.

Жесткие, густые, слегка волнистые от природы, черные как смоль волосы. Несколько на выкате глаза, подпушенные длинными шелковыми ресницами в обрамлении густых черных бровей, нос с горбинкой, так характерной для таджиков, пухлые губы. Он очень напоминал персидского принца из средневековых миниатюр.

Добрый, общительный парень с врожденным чувством уважения к старшим, работающий, все время занят какими-то делами по хозяйству, подвижный, неплохо играл в футбол. У него, казалось, не было врагов. Везде друзья, везде знакомые. С ним было просто общаться. Не нужно было думать, а так ли он поймет, так ли он поступит.

Там же в углу двора жил с семьей д. Лева. Андрей – его сын, ровесник Вовки был каким-то непредсказуемым, истеричным и озорным ребенком. Легко поддавался внешнему влиянию. К нему почему-то липло все плохое, что можно было собрать с улицы.

Его матери, красивой блондинке доставалось то от пьяного мужа, то от балбеса сына. Андрюха сам не свой был поучаствовать в каких-нибудь авантюрах. Причем он мог запросто бросить назначенный ему пост, или сорвать все дело, ни с того ни с сего заорав истошным криком. Серьезно к нему никто не относился и ничего важного не доверяли.

Это был обычный общий двор, каких в Самарканде были сотни. Они в нем родились и выросли, знали все его закоул-

ки, знали всех его обитателей. Частенько, вместе с взрослыми участвовали в посиделках, посвященных какому-нибудь празднику, знали все песни, которые пелись за столом, допоздна играли с взрослыми в лото, карты, домино.

* * *

Сегодня мир странно изменился. Нет уже той всех и вся уравнивающей дружбы, понимания, или хотя бы сочувствия.

А тогда весь этот народ мог разругаться в пух и прах по какому-то пустяку, но все знали, что случись беда, даже твой вчерашний враг придет и протянет руку помощи.

Бытовала азиатская традиция взаимного угощения. Из дома в дом ходили тарелки – туда с пирожками, обратно – с пловом, туда с мантами, обратно – с блинчиками и т. д.

Дети были почти что общими. Замечания им делали все. Родителей о неблагоприятных поступках детей мог проинформировать любой сосед. Это дисциплинировало детвору, и даже считалось актом особого расположения к родителям. Однако вслух о симпатиях друг к другу говорить было не принято. Наверное, излишняя сентиментальность была не в почете. Ведь и так все было понятно.

Вот мы и выросли несколько скованными на добрые слова, на выражение без стеснения своих чувств, жесткими, жесткими даже к очень близким и любимым людям. Только спустя десятилетия, уже в зрелом возрасте начинаешь понимать, сколько мы не сказали, не написали любимым, де-

тям, родным и друзьям! Не сказали правды о любви к ним, не сказали правды о том, что мы бывали неправы, жестоки или нечестны к ним. Да, топя свою душонку в эгоизме, напыщенности, фальшивости, пытались скрыть свою слабость, неправоту.

Жаль, что многие из близких нам людей так и не узнают уже никогда нашего истинного к ним отношения.

Кто простит? Да они, те, кто рядом и есть само прощение. Просто нужно чаще быть самим собой, таким, какой ты есть внутри. Тогда тебе поверят и простят. Простят все. Мне кажется, что это и есть Бог, который в каждом из нас.

Самое главное понять это вовремя и сказать об этом им – тем, кто еще снами, тем, кто еще ждет от нас этого.

НАБЕГ

— Ну что, пацаны, кто со мной к Махмуду? Видел на базар урюк понес, наверное созрел, – присаживаясь над арыком на корточки, спросил Вовка.

Делать особо было нечего. За компанию решили позвать Татарина с Татарчонком, Ромео и Алегуса, по пути зацепили Юрчика Сметанева. Всего собралось семь человек.

Не спеша, двинулись по привычному маршруту. Перемахнув через несколько дувалов, при этом, разогнав мирно пасущихся кур и индюков, по наклонившейся тутовине, поднялись на крышу. Пока все было тихо. Ни одна собака не успела отреагировать на этот молниеносный рейд.

Собаки были их противниками, потому, что оповещали хозяев – во дворе кто-то чужой. Поэтому пройти через чужой двор, не побеспокоив собак, было верхом мастерства, а особенно группе из семи человек.

И вот они на крыше! Далее разбег – прыжок, разбег – прыжок, с крыши на крышу, и так до цели.

Самое главное не попасть на край крыши. Она могла обвалиться под ногами и тогда знакомство с песиком-азиатом или его хозяевами неизбежно.

Следующее правило – не прыгать всем в одно и то же место и перебегать крышу только по краю, чтобы не провалиться внутрь дома. Перед прыжком залегали на краю, с которо-

го предстояло прыгать.

Осмотрев место, куда предстояло приземляться, отползали, приподымались, согнувшись, разбегались и прыгали. Интервалы между прыжками составляли несколько секунд. Этого времени должно было хватить, чтобы предыдущий прыгун успел залечь и отползти в сторону, освобождая дорогу следующему.

И вот последняя крыша. Следующая – конечный пункт. Вновь залегли осмотреться. Со своего места Геку было хорошо виден кусок двора, утонувший в зелени. На айване, под виноградником никого нет. Собаки не видно. Тихо.

Похоже, Махмуд-ака еще не вернулся с базара. Это упрощало дело, а то пришлось бы загорать на крыше в ожидании, когда во дворе станет пусто.

Половина крыши была скрыта ветвями огромной урючины, которые вот-вот надломаются под тяжестью плодов.

Да, урюк поспел! Урожай в этом году был хороший! На ветвях практически не было видно листьев. Все они сплошь были покрыты золотисто-розовыми, полупрозрачными на солнце плодами.

«Налетчики» издали чувствовали их приторную сладость. Еще бы! Аромат спелых абрикосов наполнял всю округу.

Все. Теперь прыжок, затем подкрасться под самые ветви, тихо, не привлекая внимания резкими движениями и разговорами, поработать минут пять и в обратный путь.

Гек с Вовкой уже на крыше, ползком пробираются под ветки.

Слышны мягкие прыжки и шуршание ползущих компаньонов.

Вот рядом появилась голова одного, другого.

Принялись за дело. Напряженное сопение, шуршание десятка рук по листьям и веткам, которое кажется оглушительно громким.

От напряжения все покрылись мелкими бисеринками пота.

И вдруг в этой, практически тишине, словно выстрел из ружья раздается хруст сломанной ветки.

Неожиданность такого звука повлекла за собой катастрофические последствия. Алегус свалился во двор, где немедленно стал предметом пристального внимания хозяйского волкодава.

Остальные ринулись в сторону спасительной соседней крыши. Перемахнув, остановились отдышаться, прийти в себя.

Оглядев присутствующих, Гек понял: – на эту крышу перебрались не все. Нет Алегуса и Татарина!

Издали доносились отрывистый, басовитый лай азиата и слабое повизгивание Алегуса. Над крышей, которую только что покинули, поднимались то ли клубы дыма, то ли пыли.

Решили в обход подобраться поближе и изучить обстановку. Добычу, вернее все, что от нее осталось, ссыпали в кучу,

для наблюдения оставили Сметану.

С соседней крыши был виден Алегус. Положение его было незавидным.

Он балансировал сидя верхом на двери сарая. Внизу лежал азиат зорко наблюдая за каждым его движением.

Спасительная крыша сарая была рядом, но дотянуться до нее Алегус не мог.

При любом движении в сторону он мог сорваться вниз, чего, судя по его разодранным трусам, он не хотел. Без посторонней помощи ему не обойтись.

Татарина нигде не было видно. Может, он заскочил в сарай и забрался там куда-нибудь.

К Геку подползает Вовка и шепчет что-то непонятное, показывая на дымившуюся крышу.

Пристально взглядевшись, Гек понял: Татарин проломил все-таки крышу, и теперь он внутри – в гостях у Махмуд-ака!

На дверях висел замок! Вызволять его нужно было тем же путем, каким он туда и попал.

Но как?

Решили разбиться на две группы.

Гек и Татарчонок идут вытаскивать Алегуса, а заодно должны поднять лестницу, приставленную к стене сарая.

Затем Гек с Татарчонок перекидывают лестницу одним концом на крышу, которая была проломлена. Татарчонок должен перебирается по ней, и втянуть лестницу за собой на проломленную крышу. В это время Вовка очень осто-

рожно перепрыгнет туда же и поможет Татарчонку опустить лестницу в пролом. Вместе они вытаскивают Татарина, спускают лестницу во двор, после чего все исчезают. Ромео с другой крыши все это время должен наблюдать за улицей и другими дворами. Уходит сам, подает сигнал Сметане об отходе. Встреча в условленном месте.

И вот Гек с Татарчонком на крыше сарая. Алегусу очень хочется посмотреть на них, но он боится повернуть голову.

Как выяснилось им его не достать.

Тогда меняется план.

Сначала нужно достать лестницу.

Но не тут то было.

Самая верхняя перекладина лестницы бы ниже, чем Гек мог протянуть свою руку. Тянуться дальше было опасно.

Татарчонок его бы не удержал, и они рисковали составить компанию Алегусу.

Обхватив своего помощника со спины так, что его макушка упирается в кадык, Гек начинает спускать Рената вниз. То есть использует его, а точнее его ноги, как захват.

Ренатик прохрипел, что лестницу ухватил. Начали подъем. Вот уже весь его корпус на крыше. Он распластался на ней и, от напряжения сжав зубы, держит лестницу ногами. Наконец Гек ухватил лестницу. Все! Главная проблема решена.

Теперь Алегус. Азиат вот-вот лопнет от ненависти к ним. Его истошный лай, казалось, слышит весь город.

Наконец лестница перед лицом спасаемого. Ему нужно очень быстро перехватиться за неё.

Молодец! У него все получилось. Гек садится на другой конец лестницы, а Ренат помогает Алегусу.

И вот все трое лежат на крыше. Что дальше?

Вовка уже на проваленной крыше лежит и ждет остальных.

– Скорее, скорее! – читается в глазах всех, – собака выдаст нас!

Её лай превратился в истерику.

Перебрасывают лестницу-мост на соседнюю крышу. Ренат пошел, за ним Алегус, теперь Гек. Все удачно. Слажено и быстро опускают лестницу в пролом.

– Татарин, давай, – говорит Гек, заглядывая в пролом.

– Я уже здесь, – глухо раздается в ответ.

Шамиль вылетел из пролома. Весь в пыли, в волосах солома. Он смахивал на чертенка. Татарин в нем узнавался с трудом. В это время раздается свист Ромео. Значит, в начале улицы появился Махмуд-ака.

Лестница летит во двор, а налётчики – на соседнюю крышу и дальше к Сметане. Все! С добычей и истерическим смехом уже бегут по переулку. Теперь нужно исчезнуть на целый день.

Отдышались и пришли в себя только спустя час на берегу небольшого канала. Пара лепешек, купленных по дороге, да оставшихся килограмма два перемятых абрикосов на всех,

вот и вся еда на оставшуюся часть дня.

В обсуждениях набега, передразнивании друг друга, играх день пролетел как один миг. Надо идти домой, да вот что-то ноги не несут. Плелись еле-еле, молча. Попытки Гекка разрядить обстановку были напрасны. Над всеми довлело предчувствие.

План был у всех один: вернуться затемно, тихо, не привлекая внимания, лечь спать, а утром, когда старшие рано уйдут на работу, снова свободен на весь день. К вечеру может всё и замнётся...

Крадучись Гек проникает в свой маленький дворик. Теперь нужно неслышно пробраться через коридорчик и комнату, в которой спит бабушка, без малейшего скрипа забраться в свою кровать.

Хорошо, что лето и все двери настежь. На цыпочках поворачиваясь к входной двери, делает первый шаг и как гром среди ясного неба слышит сухой, без эмоций голос бабушки

– Явился? Ну, рассказывай, где был?

Она сидела у летнего стола в темноте на своем алюминиевом раскладном стуле, сложив на груди полные руки.

– На арыке с пацанами, – отвечает Гек.

– А ещё где? И не ври мне!

– Да с пацанами я был.

– А ты знаешь, что Махмуд приходил?

– Ну а я здесь причём? Приходил и приходил. А то он раньше у нас не бывал, – бессмысленно тянет время Гек.

– Так Махмуд говорит, что ты со своей оравой ему дом разнесли.

– Я не разносил.

– А почему он ко мне пришел?

– Делать ему нечего, вот и ходит.

– Ты думаешь, если вы никого не видели, так и вас никто не видел? Ошибаешься! Уже вся улица знает о вашем подвиге.

В это время из угла общего двора, где жила семья Вовки, раздались крики. Это пороли Вовку.

– Значит так, – вернула его к теме бабушка, – неделю от ворот ни на шаг. Никаких кино-мино, мороженое-пирожное, я Махмуду на ремонт крыши отдала 10 рублей. Понял? И не дай Бог, я не увижу тебя возле ворот. Будешь сидеть дома все лето.

Гек кивнул в знак согласия и двинулся в направлении своей комнаты.

– Слушай дальше! – строго продолжила она. – Каждый день во всём доме будешь протирать пол, мыть посуду, и чтобы в вёдрах всегда была вода. Ишь ты, вообще перестал что-нибудь делать по дому! Тебе список литературы на лето давали в школе?

– Давали... У нас дома нет этих книг.

– Завтра в восемь утра я иду на работу, а ты в школу, в библиотеку. И не вздумай возвращаться без книг. Я тебе покажу, как по крышам мота возвращаться без книг. Каж-

дый день будешь рассказывать, что прочитал. Пей чай, умойся и спать!

Гек понял, что разговор окончен. Как только бабушка ушла в дом, он облегчённо вздохнул и подумал про себя:

– Фиг с ним с мытьём посуды и полов, с этими ведрами, даже неделю у ворот, но читать эту тягомотину типа «Мёртвых душ» – вот это атас! Делать нечего, придётся смириться. Всё равно, ещё легко отделался, – размышлял он, – а Вовке, похоже, влетело по полной, вон как орал. Интересно, а что с остальными?.. – хватался Гек за мысль, уже засыпая.

Бабушка разбудила его, как и обещала, в семь часов. В тот момент ему казалось, что фашисты и то нежнее обращались с детьми. Побудка была донельзя простая – сдёргивание одежды! Выразить неудовольствие таким способом побудки было бы огромной неосторожностью.

Он встал, при этом, стараясь всем видом показать полное безразличие к такому обращению. Не спеша прошёл в туалет, который находился в другом конце двора. Поплескался под умывальником, висевшем в углу возле уличного стола. Хлебнул чаю и отправился в школу.

Конечно же, и он, и бабушка прекрасно знали, что летом в такую рань в школе никого нет. Но наказание есть наказание.

По дороге Гек прошел через базарчик. Он уже вовсю гудел! На прилавках, привлекая ароматом, лежали горы клубники, темно-бордовой, красной и жёлтой черешни. До-ро-

гу-ща-я! Народ к ней подходит, но покупают редко, да и то по стакану-два. Но у Гектора уже появился план, как ее попробовать, причём бесплатно.

Технология была достаточно простой. Ее знали все вокзальские пацаны.

К прилавку подходит тётка и начинает прицениваться. Ты встаёшь рядом и начинаешь умоляющим взглядом смотреть на нее.

Если она оглядывается на тебя, немедленно переводишь взгляд на продавца. Тетка думает, что ты просто ждешь, когда продавец освободится. Продавец думает, что ты как минимум теткин сын и очень хочешь черешни.

А ты в этот момент уже ничего не думаешь!

Продавец, опережая события, с корыстной целью уговорить тетку на покупку, быстрым движением насыпает в кулек стакан черешни и протягивает «теткиному сынку». Тетка, полагая, что это ее не касается, продолжает торговаться, продавец думает, что уже продал товар и теперь готов немного уступить. Они увлечены разговором. Тут самое время смываться. Как только исчезаешь из поля зрения, то... Ох, ноги мои ноги!

Гектор успешно применив накопленный опыт, выскользнул за ворота базара. Постреливая косточками в витрины магазинов, в птиц и, пробегающую мимо малышню, он двигался в направлении школы.

По дороге понаблюдал за работой экскаватора.

У самой школы огромная мусороуборочная машина сама на себя грузила мусорные ящики. Это тоже нельзя было обойти. Почти так он представлял себе роботов из многочисленных, прочитанных им, фантастических рассказов.

Если обычно дорога до школы занимала минут пятнадцать, сегодня он добрался более чем за час.

Хороша школа летом! Особенно потому, что, хочешь, приходишь, хочешь, нет, и никто ничего тебе за это не делает. В школе, как и предполагал Гек, никого не было. Старожиха тетя Катя даже не пустила в здание. «Жди, – говорит, – свою библиотеку на улице».

Под краном сполоснул липкие от черешни руки, лицо. Утёрся подолом майки, которая тут же стала серо-бурого цвета. Это непорядок подумал Гек и передел ее задом наперед. Так лучше.

Присел в тени на скамейку. В это время из школы на крыльцо вышла директорша. Быстрым взглядом окинула двор. Он сразу понял: ищет кого-нибудь для какой-то работы. Ошибкой было, то, что он сделал резкое движение в сторону школьной калитки и был замечен. Раздалось до боли знакомое:

– Гектор, ты это куда собрался? А ну-ка иди сюда. И не делай вид, что ты внезапно оглох!

Как она запоминала их? Трудно представить, как можно запомнить больше тысячи учеников по имени, фамилии, в каком классе учится и кто классный руководитель. – Блин,

дождался! – пронеслось в сознании Гека.

Делать было нечего, нужно идти. Отмазаться уже не удастся. И Гектор нехотя поплелся в ее сторону.

Она привела его в кабинет и подвела к стене, на которой были нарисованы два карандашных крестика.

– Видишь? – спросила она.

– Вижу, – кивнул Гек утвердительно.

– Вот тебе гвозди, молоток. Нужно сюда вбить два гвоздя. Всё понятно? Я сейчас приду. И вышла из кабинета.

– Ну, это ерунда, – подумал он. – Хорошо не красить, или еще хуже мусор выносить.

Стена была гладкая, ровная, хорошо выбеленная, аж глаза слепило.

Погнув пять или шесть гвоздей, мальчишка понял: гвоздей ему не забить. Они в стену не шли. Значит, там кирпич! Он укорачивает гвозди кусачками, вставляет их в пробитые отверстия миллиметров на шесть-восемь. Чтобы гвозди не болтались и хорошо смотрелись издалека, набивает в отверстия жеваный мел, убирает все следы своей деятельности и уходит.

* * *

Библиотека уже открылась. Софья Каримовна сидела за своим столом у окна и что-то писала.

К тому времени Гектор уже прочитал всего Жюль Верна, Вальтера Скотта, Беляева, других авторов, которые писали

про путешествия, приключения и фантастику, много книг о войне. Софья Каримовна знала Гека как постоянного посетителя, и довольно неплохо к нему относилась.

Кроме библиотечных дел она вела в их классе алгебру и геометрию. Видимо, учитывая его пристрастие к книгам, она прощала ему многое, говорила:

– Если бы ты поменьше шкродничал, то был бы отличником.

А поскольку такой задачи перед ним не стояло, то выслушивать ее приходилось довольно часто.

– Ты что, Гектор, заболел? – спросила она.

– Да, нет, хочу взять литературу на лето.

– Что-то странно всё это. Наверное, дома что-то натворил, а теперь исправляешься.

– Да нет, – бубнил он, – всё нормально.

– Ладно, подожди, сейчас подберу.

Пока она подбирала, Гек с интересом полистал стопку новых книг. Класс! Четыре книги из серии Библиотека приключений. Нужно заметить на осень.

Минут через десять она вынесла стопку высотой с полметра. Гек понял, чтобы прочитать всё это, нужно разнести крыши во всей махалле. В этом случае круглосуточное пребывание дома на протяжении всех каникул было бы обеспечено, и тогда – читай не хочу! Готовности к такому подвигу он как-то не чувствовал!

– Софья Каримовна, – спросил он, – а можно пока взять

одну, а как прочитаю, поменяю на следующую?

– Гек, ты у меня только время отнимаешь. Ладно, выбери. Возьми вот эту. Будете проходить в начале года.

– Вот не везёт-то, – думал он, читая обложку: Н. В. Гоголь «Мёртвые души»!

– Выписывайте.

Он уже расписывался в карточке, когда за стеной что-то грохнуло и разнеслось гулким эхом по пустой школе. Затем послышался звон разбитого стекла, топот ног и гулкие голоса.

Стало ясно, что-то рухнуло в кабинете директора, и видимо это «что-то» связано с его гвоздями. «Нужно бежать, – промелькнуло в мозгу, – пока не начали ловить».

Пулей, пролетая мимо дверей директорского кабинета, он краем уха слышал голос тёти Кати:

– Это надо же додуматься. Поручила какому-то засранцу гвозди забивать. Он их соплями к стене и прилепил. Вот теперь будешь без зеркала. Ведь даже летом норовят прийти в школу, и нагадить. Не дети, выродки. Надо же догадаться!..

Но Гек был уже далеко. Так же далеко, как начало июня от первого сентября. «Забудут за три-то месяца», – думал он, выскакивая за школьную ограду.

* * *

Солнце огненным шаром висело над головой. От его обжигающих ласк, казалось, никуда не спрятаться. Нестерпи-

мая, звенящая жара повисла над городом. От раскаленного, мягкого асфальта поднимались волны горячего воздуха. Слабые дуновения ветерка не охлаждали, а наоборот делали еще нестерпимее восприятие окружающей действительности. Сейчас бы вылить на голову ведро холодной воды.

Вот оно, долгожданное лето!

Обогнув базар, Гек появился на своей улице с другого конца. Пока дошел до своих ворот, знал обо всех кто и как пострадал. Татарин с Татарчонком сидели дома под присмотром бабушки. На улицу им было нельзя. Ромео и Алегуса мать погоняла прутиком и тоже посадила под арест – у ворот.

Старший брат Вовки – Васёк рассказал, что Вовку мать отлупила прыгалкой, у него вся спина в полоску. Сидит дома.

Сметану отец порол шлангом. Задница опухла, ходить не может, лежит дома. Теперь его все жалеют, даже отец.

А Махмуд-ака прошёл по домам, где жили его разорители, и собрал около ста рублей. В то время это были большие деньги. Вскоре он покрыл дом шифером. Оказывается, он всем родителям говорил, что если бы дети пришли и попросили, он бы сам разрешил собрать урюк, хоть сколько. Тогда бы не пришлось ремонтировать крышу.

Гек зашел домой бросил на стол книгу, предусмотрительно вложив в неё закладку между пятой и шестой страницей – будто начал читать. Через полчаса на обед придет бабушка. Скачками протирает пол, набирает во все вёдра воды, ставит разогревать кастрюлю с борщом.

Вот за окном мелькнул белый халат, бабушка работала на пекарне технологом и это была её спецодежда. Пока бабушка мыла руки и входила в дом, он уже лежал на диване и «увлеченно» читал «Мертвые души».

– Ну вот, – говорит бабушка, – можешь ведь когда хочешь. Молодец! Всегда бы так. Не сглазить бы! Надолго ли?

Наскоро пообедав и накормив внука, она убежала на работу.

Без особого желания Гек помыл посуду, прибрал со стола. Снова прилёг на диван возле книги. Нехотя раскрыл её и попытался почитать. Какая муть, как это вообще можно читать? Глаза слипались, видимо, сказался ранний подъём. Сопротивляться он не стал.

Проснулся незадолго до возвращения бабушки с работы. Быстро умылся, потёр щеки, нос, чтобы снять заспанный вид, и снова уткнулся в книгу.

– Ты, что, с ума сошел целый день читать? Зрение хочешь испортить? – входя воскликнула бабушка. – Сходи, размнись – воды принеси.

– Все ведра полные, – ответил Гек.

– А полы мыл?

– Мыл.

– А посуду?

– Чистая.

– Ну, иди, часик побегай, только возле дома, чтобы я тебя не искала.

Делая вид, что не может оторваться от книги, нехотя поднялся с дивана. Сейчас самое главное не показать вида, что весь день ждал именно этого предложения.

Всё, свободен! У него хватило терпения, не суетясь выйти за калитку. А там ноги уже бежали впереди Гека.

У ворот сидели дворовые ребята – Васька и Раис. Васька, как всегда обремененный надзором за самым младшим братом, и Раис сидели на корточках над арыком и поплевывали в воду. Было понятно – заняться им нечем.

Появление Гека вызвало оживление. Во время подробно-го рассказа с картинками о налёте на сад Махмуд-ака, подошел Андрей. Его несколько дней не было на улице, и он ничего не знал.

Ребята не сговариваясь, решили отправить Андрея к Махмуду за «дармовым урюком», который он обещал дать, если его попросят. Андрей, воспринимая все в серьез, сбегал домой за ведром, и через минуту скрылся в переулке, где жил Махмуд-ака. Долго ждать его не пришлось.

– Ну, что? – окликнули его издалека, сдерживая смех.

– Вот козел, вот козел, – кривя рот от возмущения, ответил Андрюха.

– Да он меня просто послал на... и еще собаку натравил. Сказал что я плешивый ишак и шайтан.

– Ват гад, – делано возмутились друзья, – а ведь обещал.

– Ну а ты?

– Чо я? Отошел и забросал его двор «гранатами» («грана-

та» – придорожная пыль, завернутая в бумажный пакет).

– Нормально, Андрюха! Вот ты дал ему прикурить. Ну, а теперь беги – вон он Махмуд, бежит. Наверное, передумал, решил все-таки дать тебе урюка.

Андрюха со всех ног ломанулся мимо друзей по улице в сторону базара, только дужка пустого ведра жалобно поскрипывала в его руках. Так в конфликт был вовлечен еще один человек.

Махмуд весь в пыли с головы до ног пробежал за ним еще метров сто и, безнадежно отставая, остановился, перешел через дорогу и пропал за забором чайханы.

Доброжелатели смеялись до боли в животах. Ваське надоело пасти Сашку, и он привязал его одним концом веревки за пояс, а другим за дерево.

– Вась, твои предки дома? – спросил Гек.

– Нет. А что?

– Пошли на Вовчика посмотрим.

– Пошли.

Васька отвязал Сашку от дерева и вел его до дома на поводке как бобика. Последний орал диким голосом. Его не устраивал уход с улицы, где было столько интересного.

Вовка самозабвенно показывал свои героические шрамы. Да, блин, мама расписала его по всем правилам! Спину, переходя на грудь и живот, пересекали с десятков вздувшихся багровых полос.

– Да, фигня, вот спать плохо – только на правом боку, –

опуская майку, с неиссякаемым оптимизмом, заявил Вовка.

Вообще, Вовка по натуре был мальчишкой из разряда непосед. С раннего детства мать с ним хлебнула. То он голову засунет в кастрюлю, потом его всем двором освобождали, то в туалет провалится, то костер в комнате разведет. А уж дрался он как «здрасте», каждый день, да и пороли его регулярно. Поэтому для него одной поркой больше, одной меньше не столь важное происшествие

– Ну, а какие у тебя перспективы с выходом на улицу? – спросил его Гек.

– Лучше пока не дергаться, – рекомендательно сказал Васька.

– Да, тебе хорошо, чуть что, он с Санькой погулять пошел. Ничего, рано или поздно мать поймает тебя, как ты его на привязи держишь. Вот тогда посмотрим! – возмутился Вовка.

– Ладно, хорош шуметь. Пока все не утихнет, лучше посиди дома, – понимающе посоветовал Гек.

На этом визит закончился. Вот-вот родители с работы придут.

На обратном пути Гек заглянул к себе, спросил, не нужно ли чего сделать по дому. Этот жест был нужен, чтобы получить молчаливое разрешение на продолжение отсутствия.

Сработало!

Незаметно опустились сумерки. С их приходом стала спадать жара, но по-прежнему, было душно. Народ поливал ули-

цу.

Вскоре почти все участники похода были в сборе, к ним присоединились еще с десятков ребят и девчонок. Всех интересовали детали и подробности. Конечно же, повествование вел Гек. Рассказ получался увлекательным, обрастая некоторым вымыслом. Смех не смолкал более часа. История о проломленной крыше еще долго как миф передавалась из уст в уста. Вскоре о ней знала ребятня и соседних улиц.

Участники набега ходили в местных фаворитах.

В ПОХОД

Неделю спустя все встало на свои места. Пацаны опять выпряглись.

Гек не забывал переключать закладку в книге. Днем, в жару, смотрели «Четыре танкиста и собака», вечером – «Семнадцать мгновений весны». Все остальное время – улица.

Конечно, именно на улице тогда и познавалась жизнь. Других вариантов просто не было.

Иногда кто-нибудь из взрослых организовывал эту «банду местных папуасов» для походов на рыбалку или просто – купаться.

Чаще других это был Андрюхин отец – дядя Лева. Как только бросал пить, и вел праведный образ жизни, а случалось это крайне редко, он организовывал с ними походы за город. Дядя Лева, в принципе был нормальный мужик. Сам выросший на вокзале, он прекрасно понимал все беды и чаяния уличной детворы.

Высокий, коренастый, всегда загорелый, с правильными чертами лица. Густая темная шевелюра, зачесанная назад, открывала большой покатый лоб, свидетельствующий о наличии недюжинного интеллекта. Да, да! Именно так! Родился он в семье учителей, еще дореволюционной закваски. Несмотря на пьянство, интеллигентом оставался всегда. Да-

же жену он избивал «интеллигентно» – никогда не бил по лицу, чтобы не позорить, а только по почкам или по печени.

Лева много читал, много знал. Интеллигентность, в сочетании с внешним обликом, придавали его натуре определенный шарм. Наверняка, он пользовался бешеным спросом у дам. Дети же могли слушать его часами. Рассказывал он интересно и увлекательно, с чувством юмора.

С вечера Андрюха обошел всех дворовых ребят, предупредил, что завтра в шесть утра выход в поход на Светлый арык. Сбор у ворот без пятнадцати шесть! С собой иметь полотенце и сухой паёк на день!

С вечера Гек перерыл весь дом и, наконец, в дальнем углу шифоньера отыскал свой сидорок. Это был вещь-мешок солдатского фасона сшитый из плотной черной ткани, который ему несколько лет назад изготовили для поездок в пионерский лагерь. К нижним углам мешка была пришита ляжка.

Картошка в мундире, четыре яйца в крутую, полбулки хлеба, несколько помидоров, соль в спичечном коробке, все было уложено в мешок и сверху прикрыто вафельным полотенцем.

Без пятнадцати шесть, самый первый – Гек стоял у ворот. Вскоре появился дядя Лева с Андрюхой, Васька с Вовкой и Раис.

Как выяснилось, Гектор к походу подготовился основательнее всех. Дядя Лева похвалил его и стал объяснять порядок, которого все должны придерживаться в походе.

Главный в походе он – дядя Лева, его распоряжения выполняются беспрекословно. Через каждые полтора часа пути – привал на пятнадцать минут. По прибытии на место, разбивается лагерь. Команды по его устройству будут даны позже. Возглавляет колонну он, замыкает – Гектор.

– Ну, что, орлы, к марш-броску готовы? – закончил наставления дядя Лева.

– Готовы, – ответил в разнобой мальчишеский хор.

– Тогда вперед.

Еще в полудреме, иногда спотыкаясь, прошли Армянскую улицу, дальше по железнодорожному мосту, по Петропольской через кладбище, где к тому времени уже лежал дед Гека, вышли за город.

Срезая путь, пересекли несколько глубоких оврагов промытых неведомыми потоками в красных лессовидных суглинках и часа через полтора вышли к небольшому мостику через речушку Сиаб.

В это время дня движение по мостику было достаточно оживленным и направлено было в сторону города.

По-азиатски пестро одетые жители близлежащих кишлаков, кто верхом на ослах, кто на арбах, запряженными этими же неприхотливыми животными, кто пешком с грузом, подвешенным на, коромыслах, женщины с поклажей на голове, двигались в сторону базара с зеленью, фруктами и овощами на продажу.

За мостом дорога поднималась на не большой пригорок.

Что было за ним, еще не видно.

Внимание путешественников привлекла страшная вонь, исходившая, казалось, отовсюду. Зажав пальцами носы, они проскочили мост и пригорок. Как выяснилось, в двух-трех километрах вверх по течению во всю мощность работал кожзавод, который сбрасывал в некогда чистую речушку отходы производства.

Позже этот мост стал объектом пристального внимания Гека и его школьных друзей. И это для моста закончилось не совсем хорошо.

За пригорком дорога раздваивалась. Вправо – в кишлак, влево, виляя между садами, уходила за горизонт. Группа свернули влево и, пройдя еще метров пятьсот, остановились на привал в тени огромной чинары. Из-под ее корней вытекал ручеек чистой воды.

Наставник всю дорогу рассказывал им о растениях, попадавшихся на пути, о птицах, пролетающих в вышине – в общем, много интересного и познавательного.

Под сенью ветвистого дерева, вблизи прохладной струи, нестерпимый зной отступил. Холодная до ломоты зубов вода и вовсе привела всех в состояние реального ощущения окружающего мира.

Несмотря на наигранное геройство, ноги стерли все. По приказу старшего, дальше предстояло идти босиком.

Чем дальше дети продвигались, тем очевиднее менялся окружающий ландшафт. Все чаще стали появляться кусты

джи, вереска и камыши. То справа, то слева, стеной в человеческий рост, поднимались кукурузные поля, громко шелестевшие своими жесткими листьями. Почва становилась песчаной и влажной. Ее прохлада ласкала измученные ноги. Воздух был напоен запахами полыни, медуницы, клевера. Он пах по-другому, совершенно не свойственным, для знакомого им, городского запаха. Повсюду чувствовалось близость большого водоема.

Наконец, вдали стала проблескивать водная гладь. Усталости как не бывало. Ноги сами несли к заветной цели. И вот ребятня уже несется к берегу наперегонки, на ходу сбрасывая поклажу и одежду.

Какое блаженство после длительного похода уронить изнуренное жарой тело в живительную прохладу реки! Звуки, раскаленные солнце и небо утонули вместе с Геком. Сколько мог, продержался под водой, приходя в себя.

Через час, порядком уставшие и озябшие, стали выбираться на берег.

Дядя Лева уже давно собрал их разбросанные по всему берегу пожитки. Расстелил под кустом дастархан и поджидал ребят.

Перед началом трапезы он заставил их построиться в шеренгу и отчитал разомлевший от купания строй за то, что разгоряченные попрыгали в воду.

Нехитрая снедь исчезала вслед за мелькающими детскими руками. Какими же вкусными казались яйца вкрутую, зеле-

ный лук, хлеб, помидоры и картошка в мундире. Через минут десять все было кончено.

Усталые и разморенные дети в полудреме лежали на траве – как удавы. Было лень пошевелить рукой или ногой.

Через час народ вернулся к нормальной жизни. Сначалаловили стрекоз и бабочек, которых здесь было великое множество. Потом попускали «блинчики». Наконец решили играть в пятнашки в воде.

Андрюха и Вовка были самими младшими, поэтому, водить непременно должен был кто-то из них.

Дядя Лева нормально относился к уличной иерархии и в дела ребят не лез. Он плавал здесь же, шумно отфыркиваясь.

Кое-как плавать умели Гек и Вовка. Глубина для них была спасительным рубежом. Все остальные передвигались пешком по илистому дну.

Когда настала очередь водить Раиса, он погнался за Васькой. Васька был на голову выше него. Раис догнал Ваську и ухватил его за трусы. Тот, активно отбиваясь, продолжал движение вперед. Там где Ваське было по плечо, Раису – с головкой.

Наконец Васька оторвался от погони и стал выходить к берегу. Раис, оставшись без буксира, сначала скрылся под водой, потом вынырнул, и с диким криком, страшно выпучив глаза, стал отчаянно барахтаться.

Было смешно смотреть на его искаженное ужасом лицо,

а особенное слышать, как он, вместо всем понятного «тону», благим матом орал «вода пью».

Сопровождаемый воплями и тучей брызг, он медленно продвигался к заветному мелководью. Здесь друзья его подхватили и волоком вытащили на берег. Он был белый как мел и тяжело дышал, закрыв глаза.

Дав отдышаться, пацаны стали расспрашивать его, како-во это тонуть. Но Раис, казалось, окончательно забыл все, что знал по-русски. Да и по-таджикски он бормотал что-то невнятное. Немногое, что удалось понять – это то, что он очень не любит воду, потому что выпил ее много.

Когда истерика прошла, его стало рвать. Литра три воды из него вылилось точно. Придя в себя, он злыми глазами стал медленно озираться вокруг, высматривая кого-то. Взгляд его остановился на Ваське.

Поскольку это ничего хорошего не сулило, Васька, предусмотрительно, отошел на несколько шагов. Раис бросился в его сторону, а так как Васька бегал быстрее, то расстояние между ними увеличивалось.

Поняв тщетность своих попыток догнать беглеца, Раис стал на бегу швырять в Ваську камни. Отбежав на безопасное расстояние, Васька остановился. На этом погоня закончилась! Раис возвращался. За ним, соблюдая дистанцию, бочком перемещался в сторону лагеря и Васька.

Минут через пять все вместе уже катались от смеха по траве, вспоминая происшедшее, и копируя каждый на свой лад

основных участников событий.

Раис очень хорошо запомнил слово «тонуть», однако ни он, ни Васька так никогда и не научились плавать.

Домой вернулись, когда уже село солнце. Еще долго загорелые лица и облупившиеся спины напоминали об этом походе, а выражение «вода пью» надолго сохранилось в их уличном лексиконе.

ПЕТЬКА

Эти ребята пришли в 5-А класс 1 сентября юбилейного 1970 года. Хасан – второгодник из 4-Г класса, который из-за стрижки «наголо», получил кличку Басмач. Женька – хрупкий мальчик из многодетной корейской семьи – Кореец, и Петька. Последние двое пришли из других школ.

В этот год школьников замучили подготовкой к празднованию 100-летия со дня рождения В.И.Ленина. Бесконечные репетиции, построения, маршировка, социалистические соревнования по учебе, ленинские чтения и прочее, прочее, прочее.

Вся страна, и конечно Гек, вместе с одноклассниками, жили с «подъемом» и «энтузиазмом». В школе был организован музей В. И. Ленина, куда их водили раза два в неделю на ленинские чтения.

Предметов, которые принадлежали вождю, там конечно не было, но все стены были увешаны плакатами о нем, его изречениями, детскими рисунками на тему «Ленин и дети». На столах стояли макеты каких-то шалашей, броневиков и еще чего-то.

Дальняя стена, расположенная напротив входа была полностью занята небольшой диорамой. На ней были изображены Ленин и дети!

Ленин, слегка согнувшись, протягивал на открытой ладо-

ни деревенским детям конфеты.

Видимо художник, исполнивший это произведение, очень хорошо рисовал Ленина, а вот с другими персонажами дело обстояло гораздо хуже.

Дети – мальчик и девочка были длиннорукие, коротконогие, слегка сторбленные, наверное, от тяжелой деревенской жизни. Лицо мальчика озаряла зверская с ехидцей улыбка. Раскосые глаза девочки смотрели вообще непонятно куда. Они были слегка закачены под лоб и вместе с открытым ртом создавали впечатление, что девчушка совсем не по-детски говорила: «О-о-о, какой кайф».

Диорама выполнена таким образом, что фигура Ленина была нарисована на стене, а его рука, протянутая к детям, сантиметров на сорок выступала из стены и была объемной из гипса.

В один прекрасный день на этой руке «дарящей» появился, явно принесенный из школьного буфета стакан, наполовину наполненный, наверное, водой.

В связи с изменением незначительного, казалось бы, элемента, смысл картины кардинально поменялся. Теперь Ленин предлагал детишкам выпить, а они в свою очередь не отказывались. На лице мальчика читалось: «Что, хотел зажать? Наливай, наливай», а девочка, казалось, произносила: «О-о-о, кайф, сейчас нарежемся». Организатором этого «не детского праздника» выступал сам великий вождь.

По тем временам такое действие могло сойти за антисо-

ветскую пропаганду или факт, порочащий советскую действительность, а это было равносильно измене Родине.

Короче, ужас! Вся школа гудела, словно пчелиный рой.

В результате проведенного расследования было установлено, что автор проделки из 5-А класса.

Члены «кружка инквизиторов» появились в классе после второго урока. Они предложили сознаться тому, кто это сделал. В ответ, конечно, гробовая тишина.

– «Тогда будете стоять, пока виновный не признается. Иван Степанович, проследите, пожалуйста, чтобы они стояли, как положено» – сказала завуч и вышла из класса.

По приказу Ивана Степановича дети встали в затылок друг другу в проходах, между партами. Руки по швам, парт не касаться, молчать.

Время тянулось ужасно медленно. Прошел урок, перемена. Можно было только переминаясь с ноги на ногу. Если народ начинал шушукаться или опираться о парты звучала команда «Смирно!». Еще урок. Началась перемена. Прошло четыре урока.

Ноги, налились свинцом. В голове у Гека шумело. Начался ропот. Девчонки сначала шепотом, а потом во весь голос стали призывать виновника признаться. На глазах у некоторых появились слезы. Прошел еще урок. В классе стоял гул.

Степаныч то сидел за столом, то вышагивал перед доской, заложив руки за спину, поглядывая на пошатнувшиеся шеренги. Кто-то за спинами товарищей приседал на корточки,

кто-то вис на плечах впереди стоящего.

Вдруг справа позади Гека раздался глухой стук. Упала в обморок Нинка. Девочка полная она просто не выдержала. Ее подняли и при помощи назначенных двух сопровождающих вывели из класса.

Минут через десять рухнула «Бахлула». Азербайджанка, которую звали Мамедова Замира Бабакуловна. По отчеству получилась и кличка.

Уже шесть девчонок были на свободе. В конце концов, с интервалом в десять-пятнадцать минут все девчонки были отпущены. Кончился шестой урок.

В класс, уже в который раз, заглянул Сметана:

– Гек, вы чо тут офигели? Ты домой идешь? А за что это вас так? Дома то что сказать?

Класс взорвался в негодовании. Раздались крики:

– Ты, Сметана прокисшая, свали отсюда.

Чувствовалось, нервы у всех на пределе. Но о том, чтобы сдаться не было даже мыслей. Прошел еще урок уже второй смены.

Тут Хасан с воплями повалился на пол. Из рта текли слюны, лицо было перекошено невероятным образом.

Иван Степанович испугано назначил двух выводящих. Еще трое ушли. Оставшиеся знали – Басмач прикинулся.

Минут через тридцать появилась завуч. Увидев оставшуюся жалкую горстку измученных мальчишек, она сжалилась и отпустила их с условием, что завтра с утра начнется то же

самое. И так до тех пор, пока виновный не будет найден.

Сегодня это кажется странным, а тогда это было нормой – провоцировать детей на предательство. Причем весьма изощренно, причиняя физические страдания.

На следующий день половина класса не пришло в школу. Так, периодически меняясь, 5-А простоял три дня.

Как это всегда бывает в нормальной школе, ученики знают всё, а преподаватели лишь догадываются. Дети, конечно же, знали, кто устроил эту хохму. В конце концов, кто-то из девочек не выдержал пыток и все рассказал учителям.

Погожим осенним деньком все пятые классы собрали в спортивном зале на совет пионерской дружины. Классы стояли в шеренгу по два вдоль стен. На середину вышла директор и громко произнесла:

– Петр Дробыш, выйти из строя. – И показала рукой куда.

Петька вышел на середину. Вновь зазвучал голос директора.

– За грубый проступок, порочащий почетное звание пионера-ленинца, совет дружины школы №48 военно-патриотической формы воспитания решил исключить Петра Дробыша из пионеров.

Дальше все прошло просто и буднично. Пятиклассники уже имели опыт участия в таких процедурах. Председатель совета дружины школы – Светка из 7 «Б» подошла к Петьке и привычным движением, быстро сняла с него пионерский галстук, вернулась на место рядом с директором и передала

его ей.

– У тебя есть, что сказать своим товарищам и учителям? Ты хотя бы понимаешь, что натворил? Неужели ты трус и у тебя не хватит мужества раскаяться? – давила директор на Петьку. Но как оказалось – тщетно.

– Верните галстук, вы его не покупали, – отозвался Петр. Реплика виновника «торжества» вызвала сдержанный смех в рядах его соратников.

Понимая, что дальнейшее ведение «совета дружины» превратит такое серьезное мероприятие в балаган, детей распустили. Все стали, тихо переговариваясь, расходиться.

Вдруг опять достаточно громко, чтобы слышали все, прозвучал голос «казненного»:

– Верните галстук, он мне дорог как память, как я теперь засну без него.

Петька своего добился. Те из учеников, кто еще не успел вытечь из зала, дружно взорвались хохотом и еще быстрее стали ломиться к выходу.

Пацаны скачками побежали на задний двор, чтобы обсудить событие и конечно покурить. Дробыша все похлопывали по плечу, даже старшеклассники. Он был герой!

Вот так, непринужденно, легко и весело хороший мальчик Петя, из благополучной семьи, влился в новый коллектив.

Через год-другой в классе сложилась достаточно плотная группа – Гек, Петька, Женька и Хасан. Они были настолько разными, что могло объединять их только детство и раздол-

байство.

Спокойный и молчаливый Женька, вечно говорящий и размахивающий руками Хасан, Петька с вечной хитрецей или иронией в глазах, с мохнатыми как у Л.И.Брежнева бровями дополняли друг друга.

А в Петькиной голове, казалось, вертятся сотни авантюры и приколов. Порой эти приколы касались и друзей. Если было смешно, смеялись, если нет, одергивали.

С Дробышем Гек сошелся после того, как их выгнали с урока немецкого языка. Причиной наказания послужил на их взгляд простой случай, то есть, как всегда – «ни за что»!

Урок начинался обычно. Взаимные приветствия.

– Садитесь.

– Какое сегодня число?

– Что было задано на дом? – спрашивала на немецком языке преподаватель.

Далее к доске вызвали пару ребят читать диалог. С замечаниями, что плохо читают, не понимают, что читают, отсутствие выражения при ролевой читке, были отправлены на место.

Следующая пара мямлила не лучше. Их монотонный бубнеж располагал класс к занятию чем угодно, только не предметом.

Преподаватель, машинально поправляя отвечающих, занималась своими делами – что-то писала в классном журна-

ле. С теми же замечаниями и упором на отсутствие выражения следующая пара села с тройками.

Вызвали Гека с Петькой. Читали ребята неплохо. Для них не составило особого труда прочесть «с выражением».

И они прочитали! Только в слово «выражение» было вложено несколько иное понимание. Класс затих и стал прислушиваться к выступлению «известного дуэта», предвкушая очередное веселье.

Начиная монотонно, читающие диалог ученики, плавно перешли на отрывистое произношение немецких слов, при этом повышая звук и тональность.

Диалог становился похожим на команды, отдаваемые немецкими офицерами времен Второй мировой. Опыта им было не занимать. Фильмы, посвященные этой тематике, показывали, чуть ли не каждый день.

Сначала преподаватель одобрительно кивала головой и бормотала “ Гут, гут». Им бы остановиться, по пятерке получили бы точно, но не тут-то было. Остановиться было уже не возможно!

Подражая немецким офицерам, Петька выпучил глаза, и со зверским выражением лица, уже в крик, заканчивает диалог о погоде фашистским приветствием «Зиг хаиль!» и скидывает руку.

Естественно Гек не мог не ответить ему. Он проревел «Хаиль Гитлер» и, прищелкнув каблуками вскинул правую руку. Реакция класса была, как всегда, обычная – класс взо-

рвался хохотом. Вот тут-то учительница немецкого – Софья Моисеевна, поняла, что Гек с Петькой вышли за рамки диалога.

Еще раз, видимо для уточнения того, что последних фраз в диалоге нет, она заглянула в книгу и уже по-русски заорала истошным голосом: «В-о-о-о-н!». Через две секунды «артисты» с хохотом вылетели из класса.

Уже на следующем уроке немецкого языка они писали диктант. Вдвоем! И конечно получили по паре.

Теперь к немецкому нужно было серьезно готовиться, так как спрашивали на каждом уроке. Через месяц они уже получали пятерки. Класс после каждого – «Садись, пять» – одобрительно гудел.

В конце концов, преподаватель, снимая осаду, сказала, что в немецком языке есть гораздо больше хороших слов, чем те, что они использовали. Весельчакам ничего не оставалось делать, как молчать, опустив глаза.

По школе уже шел слух, что Гек с Петькой – приколисты. И, как правило, им ничего не бывает за проделки. В параллельных классах стали появляться подражатели.

* * *

В первый раз домой к Дробышу Гек попал вместе с Гарриком. «Дядюшка Чиличалло» принес в школу презервативы, которые стащил из родительской спальни. Внимательно изучив это «устройство» в школе, пацаны озадачились, – какое

еще применение ему можно найти кроме его прямого назначения?

– Пошли ко мне, – сказал Петька. – Родителей дома нет, что-нибудь придумаем.

Гек с Гариком, недолго думая, согласились. По приходу, наскоро съев по куску хлеба, отправились в ванную. Там, натянув презерватив на кран холодной воды, пустили воду. С удивлением наблюдали, как вода, пузырясь, растягивала резину до невероятных размеров.

Вскоре пузырь с водой пришлось удерживать на кране двумя руками. В конце концов, он лопнул, вода с шумом хлынула в слив.

– А давайте сбросим водяную бомбу, – сказал Петька.

– Давай, – согласились остальные.

Первая попытка дотащить до балкона ведро воды в тонкой резиновой оболочке успехом не увенчалась.

В коридоре пузырь лопнул. Понадобилось несколько минут, чтобы убрать следы неудачного эксперимента.

Следующая попытка удалась. Наполненный водой презерватив к месту сброса был доставлен в тазу.

Пузырь, пролетев четыре этажа, громко шлепнулся об асфальт, поднимая облако пыли. Было очень похоже на взрыв. Когда пыль осела, на асфальте оставалась огромная водяная клякса. Класс!

Эксперимент повторили еще пару раз. Было уже не интересно – все то же самое, только асфальт внизу перед домом

стал мокрым, как после сильного дождя. Было принято решение усложнить эксперимент – сбросить пузырь на голову прохожему.

И вот в полной готовности «взрывники» сидят на балконе, укрывшись за каким-то хламом. Сквозь балконные решетки наблюдают за улицей, не идет ли кто. Как назло, никого не было – разгар рабочего дня.

Наконец из-за угла дома вышла женщина с авоськами.

Снаряд выпущен. Но он падает позади женщины.

Бедная тетка делает огромный скачок вперед. Такая прыгучесть в ее возрасте и при ее комплекции удивила всех! Авоськи вылетают из ее рук.

Успели увидеть, как волна брызг окатила ее сзади с ног до головы. Пригнулись. Доносится возмущенный визг пострадавшей. Было видно, как она, подняв вверх разъяренное лицо, ищет обидчиков. Шалопай давились от смеха, зажимая рты ладонями.

Следующей жертвой стал мужик, которого снаряд прямым попаданием в голову сбил с ног. Дядька какое-то время тряс головой, сидя в луже воды. Затем поднялся и стал пристально вглядываться в балконы. Видимо, заметив какое-то шевеление на их балконе, бросился в подъезд.

Через мгновение во входную дверь раздался настойчивый стук, вернее грохот. Экспериментаторы оцепенели. А что если сломает дверь?

С нижней площадки возмущенный женский голос, сооб-

шил, что все на работе, дети в школе, и если он не прекратит ломать дверь, она вызовет милицию.

Мужик с матом пошел вниз. Выйдя на улицу, он еще раз посмотрел на подозрительный балкон, погрозил кому-то невидимому кулаком и отправился восвояси. Всякое желание продолжать бомбардировку пропало, и они разбежались по домам.

* * *

На уроке химии прошли тему про тонкодисперсные порошки, которые, несмотря на свой удельный вес, могут долго висеть в воздухе.

На следующий день Петька принес в школу хинин. Насыпали его на стол учителю географии. Он имел привычку бросать классный журнал на стол чуть ли не от дверей.

Анвар Киямович появился в классе в хорошем расположении духа. Прошел несколько шагов к столу и привычным движением забросил на него классный журнал. Почти невидимое облачко прозрачной пыли повисло над учительским столом и первым рядом парт. Минут через десять преподаватель и первые три ряда парт блевали прямо в классе.

В качестве эксперта был приглашен преподаватель химии, который собрал мазки и ушел делать анализы. Но, видимо его лабораторные методы были не так чувствительны. Определить что-либо он не смог.

Их поймали на том, что только Гек и Петька прикрывали

рот и нос мокрыми платками. Спустя месяц, в доверительной обстановке, они всё же рассказали преподавателю, какое «химическое оружие» применили. Учитель географии, бывший смершевец, поведал, что за тридцатилетний стаж работы в школе, видел все, но такого!..

От него поступило следующее предложение – он не раздувает историю. Но если «химики» хотя бы раз не подготовятся к уроку, он оставит их на второй год. Было ясно, он взялся за них всерьез! Поблажек не будет!

Вскоре лучше Дробыша с Геком географию в классе вряд ли кто знал.

А преподаватель уже не бросал вещи на стол так опрометчиво. Первое время к столу он подходил очень осторожно, как сапёр к мине. Пытался незаметно провести по столу рукой и поднести к носу – нет ли чего опять. Он старался делать всё незаметно. В этом как раз и был прикол!

* * *

Перед началом биологии девчонки сообщили, что урок будет вести новый преподаватель. Это хорошо, если и вызовет, то, вряд ли будет ставить двойки.

Все ждали какую-нибудь серую мышку в очках и с учительским клубком на затылке. Вопреки их даже самым смелым ожиданиям, в класс вошла роскошная блондинка лет двадцати пяти. Спортивная фигура была обтянута трикотажным платьем, какого-то немислимого для учительни-

цы фасона с ошеломляющими разрезами и вырезами, а самым интригующим была его длина – выше колен сантиметров на пятнадцать. Высокие каблуки подчеркивали красоту стройных ног, на руках, невероятной длины загибающиеся, ногти. Огромные зеленые глаза, внешние углы которых были сильно подтянуты к вискам, придавали лицу хищное, кошачье выражение.

С задних парт зазвучали одобрительные реплики типа: «Ништяк», «Ни-че себе», «Кла-асс», «Кис-кис».

Елена Дмитриевна, так звали нового педагога, спокойно выдержала паузу, взглядом призывая к вниманию. Когда все стихло, по-доброму улыбаясь, она произнесла речь:

– Не надо так волноваться. Я вас прекрасно понимаю. Тем не менее, я бы очень хотела, чтобы наши с вами дружеские отношения, которые, я уверена, сложатся, помогли вам успешно усваивать мой предмет. А чтобы вы не придумывали про меня всякие небылицы, коротко о себе. Мне двадцать четыре года, окончила наш университет, чемпионка Республики по спортивной гимнастике, замужем, детей нет, муж – милиционер, чемпион по боксу.

К этой короткой биографии школьная молва добавила, что Елена Васильевна заканчивала эту же школу, примерным поведением не отличалась, дружила с мальчишками, принимала участие в их играх, проказах и даже неплохо дралась. То есть в своё время была школьным «авторитетом».

Пацаны с благоговением слушали ее нежно журчащий го-

лос, пока она не дошла в своем повествовании до мужа. Эти подробности были не так интересны.

А всех иллюзий о ее красоте и мягком характере хватило на два – три урока. До первой двойки ее звали ласково и даже нежно – Леночка. Позже она стала просто «Кошкой».

Вскоре ребята перестали замечать и, как им казалось, её неземную красоту. Она стала обычной училкой. Те, кто не учил предмет, из двоек не выбирался. Это была в основном галерка. Ее обитатели начали хамить, она – выгонять их из класса.

Гек с Петькой и их друзья не были сторонниками хамства в любом его виде, и галерку в этой «войне» не поддерживали. Елена Дмитриевна это видела. Отношения преподавателя с учениками складывались ровные – учишь, хорошо, не учишь, тебе же хуже.

Несмотря на свою молодость, через месяц – другой она смогла заставить учить ее предмет всех. Противостояние прекратилось, и стали налаживаться нормальные отношения.

Ей нравились уместные шутки, ценила юмор. Была сентиментальна, порой до слез в глазах, и слишком наивна для своего возраста. Видимо Лена еще не успела заостенеть как ее старшие коллеги, или ей еще не попадались такие «гаврики» как в 6-А.

А вот по поводу пошутить и чувства юмора, Гек с Дробышем к тому времени были почти профессионалы.

Ей imponировало то, что они могли шутить, даже похулиганить, но в рамках дозволенного, и при этом предмет знали хорошо. У Гека в четверти была пятерка, у Петьки четверка. Конечно, бывало, что перегибали. Она резко ставила их на место.

Однажды друзья стянули из кабинета биологии пенопластовое ухо. Благо подобных экспонатов было такое количество, что заметить пропажу одного, было просто невозможно. Ухо было красивое, раскрашенное, как живое, только размер его был сантиметров десять в поперечнике.

На перемене, перед уроком биологии они примотали его бинтами к Петькиной голове так, что уха не было видно, а голова, похожая на огромный кокон, стала в два раза больше.

Как тяжелобольного Гектор повел Петьку под руку в класс. По пути впереди и сзади шла хохочущая толпа. И вот они в классе. Сели на свою четвертую парту в среднем ряду. Дробыш, продолжая играть свою роль, с видом умирающего положил голову на парту и обхватил ее руками.

Входит «Кошка». Класс стоя приветствует ее. Народ с трудом сдерживается от смеха.

– Гектор, подними соседа. Он что, заснул? Дома надо спать, – сказала она, еще не видя Петькиной головы.

Гек, делано суетясь, тормозит Петра за плечо, глазами показывая ему, что учитель в классе. Со стоном Петька начинает подниматься. Чем выше он поднимается над партой, тем круглее становились глаза Елены Дмитриевны.

Офонаревшая от Петькиного кокона, она с лицом, перекошенным от ужаса и сострадания, спросила срывающимся голосом:

– Петя, что с тобой стряслось? Какой кошмар!

Петька болезненным голосом, глухо сквозь бинты произнес :

– Да ничего страшного, только болит очень.

– У тебя что, голова разбита?

– Да нет, это вчера меня оставили посмотреть за братишкой, а он упал и нос разбил. Пришла мать и давай за ухо таскать, потом с работы пришел отец, и тоже за то же ухо, вечером – дедушка с бабушкой. Тоже каждый минут по двадцать таскали. Я им другое ухо подставлял. Нет, говорят, давай левое, чтобы надолго запомнил.

Вот и оттянули. Теперь и не знаю что делать, врачи лечить отказались! Наверное, придется уезжать на остров Пасхи. Там я может, и сойду за своего, – вошёл Петька в раж.

– А еще родители называются!

Класс уже лежал на партах от хохота.

– Нет, Елена Дмитриевна, вы только посмотрите, что они со мной сделали, – произнес Дробыш, толкая соседа в бок.

Тот все понял и сразу кинулся помогать ему, разматывать голову.

Когда появился кончик красивого пенопластового уха, Елена Дмитриевна со словами: «Какой ужас! Какой ужас!» прикрыла рот рукой. Глаза ее наполнились слезами.

Наверное, было от чего, ведь конец уха торчал сантиметрах в десяти над головой, а издалека был очень похож на настоящее тело. На это они и рассчитывали.

Когда все завесы были сняты, Кошка испугано отскочила к доске и прижалась к ней спиной и открытыми ладонями. Лицо её стало белым, как мел на доске. Ее трясло. Она пыталась что-то сказать, но не получалось. Раздавалось лишь какое-то бульканье. Оторвав руки от доски, Елена Дмитриевна стала тереть ими щеки, лоб, словно пытаясь привести себя в чувство, а поскольку ладони были в мелу, то, лицо ее стало белым по настоящему. На нее было страшно смотреть.

В классе стоял рев, которого она почему-то не слышала. Она даже не замечала, что пацаны с задних парт катаются по полу. С ней случился шок!

А Петруха то, не молчал. Наконец он, голосом, срывающимся от возмущения на деспотизм взрослых, предложил ей потрогать свое ухо и решительно направился к доске.

Это было уже слишком. С визгом она вылетела из класса, в котором уже бушевал ураган.

Народ начал успокаиваться, подходить к Петьке и щупать его за пенопластовое ухо, которое было основательно приклеено к телу клеем БФ-2.

Вдруг в класс влетела завуч! По ее лицу было видно, что она чем-то недовольна. Причем очень! А вернее, разъярена! Ничего не говоря она подскочила к Дробышу, схватила его за их с Геком «произведение», и стала таскать в разные сто-

роны, пытаясь оторвать ухо. Все в классе в раз стихли.

– Далось вам моё ухо. Вчера весь вечер таскали, сегодня опять все сначала. Больно же, – мотаясь из стороны в сторону, выпалил Петька.

Одновременно с этой фразой ухо разлетелось на куски, а завуч по инерции полетела в противоположный угол, где благополучно перевернула кадку с фикусом.

Придя в себя, она неторопливо по-учительски одернула платье, прошла к двери, и указательным пальцем поманив Гека и Дробыша за собой, вышла из класса.

Шутники поняли, что повторного приглашения ждать не стоит. Быстро собрали сумки и поплелись к выходу.

В классе чувствовался праздник и оголтелое веселье. Горе «героям» же было не до смеха.

Вслед за завучем они втекли в учительскую.

В учительской с десятков педагогов стояли вокруг кушетки, на которой, казалось, без чувств полулежала «Кошка». Кто-то давал ей что-то нюхать, кто-то держал стакан с водой. Одним словом, все были заняты!

На ее щеках были видны следы от слез, а размазанная тушь на припудренном мелом лице смотрелась зловеще и делала Елену похожей на вампира. Короче страх!

Классная тоже была здесь. Она смотрела на своих воспитанников молча, глазами полными недоумения.

Завуч решительно, раздвигая столпившихся педагогов, прошла к кушетке, нагнулась над пострадавшей, потрясла ее

за подбородок, а когда та открыла глаза, сказала:

– Елена Дмитриевна, успокаивайся. Я уже вылечила твоих любимчиков. Вот, полюбуйся! Живы, здоровы! Ты ещё плохо знаешь этих наглецов!

Гек внутри возмутился:

– Почему во множественном числе? Я же больным не при-
творялся!

– И вообще разве педагог имеет право так говорить про учеников, тем более в их присутствии?

Они с Петькой стояли как две юных гимназистки, смущенно опустив глаза, скромно ковыряя пальчиками ладошки перемазанные клеем.

Всем своим видом они пытались вызвать у присутствующих, если не жалость, то хотя бы сочувствие.

«Кошка» звенящим от волнения голосом попросила всех выйти и оставить ее наедине с Гekom и Дробышем.

Гек подумал, что это упрощает дело, и посмотрел на Петьку. Да, он с ним согласен. Сейчас что-нибудь навешаем, убалтаем. Да даже прощения попросим! Куда она денется, ведь мы, как здесь прозвучало ее «любимчики».

Елена Дмитриевна стояла у окна, заложив одну руку за спину, а другой нервно теребила занавеску. В учительской кроме них никого больше не было.

Она повернулась к друзьям, пытаясь поймать взгляд каждого из них.

Они, наигранно смущаясь, смотрели в пол. Подойдя

вплотную, развернула голову Петьки к себе левой стороной, где еще висели остатки пенопласта. Это Гек видел угловым зрением.

В следующую минуту он уже ничего не видел, потому, что в глазах засверкали яркие звезды. Ни он, ни Дробыш сразу даже не поняли что произошло! Почему земля так стремительно вылетела из-под ног?

Она вlepила им по увесистой оплеухе двумя руками сразу, так что друзья с силой стукнулись головами!

Голова у Гека гудела как колокол. В возбужденном мозгу крутились обрывки мыслей:

– Ну, вот и всё...! Пусть так...! Зато теперь-то мы свободны...!

Но, они ошиблись! Она била «своих любимчиков», пока они не залетели под стол.

Самое интересное, что била она не по-женски – ладошкой, а как пацаны – кулаком. Била за то, что верила им, била за то, что они беспринципно растоптали ее доверительное к ним отношение, била за нанесенное публичное унижение!

Такого позора ни Гек, ни Петька еще не пробовали.

Она отошла от стола, под который забились пострадавшие, пристально посмотрела на них, многозначительно подмигнула, и вышла из учительской, не сказав ни слова.

Пацаны пулей вылетели из-под стола. В считанные секунды привели себя в порядок.

У Гека был разбит нос, у Дробыша губа. Приоткрыли

дверь. В коридоре никого не было. Шел урок. Как хорошо, никто не увидит!

Вылетели во двор, умылись, и уже в саду стали соображать, что же это было. Их трясло от такой сверх наглости «Кошки». Ведь никому и не пожалуешься, и ни с кем не посоветуешься.

– Ну и какой же итог? – думал каждый про себя.

– Родителей в школу звать не надо? Нет!

– На уроки биологии ходить не запретили? Нет!

– Даже двоек не поставили!

– Так как теперь себя вести на её уроках?

Решили никому не рассказывать об инциденте в учительской, а после похода на следующий урок биологии решить, как себя вести дальше. Может, это ещё и не всё! Они хитрые – эти учителя! Только всё забудешь, а тут раз – и на педсовет или ещё какая-нибудь пакость.

Прошла неделя. Все было тихо. Завуч и другие педагоги вели себя так, как будто бы ничего и не было. Пацаны не переставали удивляться и ждать последствий.

На уроках биологии тоже ничего не происходило. Только однажды, когда уже стали подзабывать о происшедшем и позволили несколько развязно вести себя на уроке, «Кошка» подошла вплотную к их парте и многозначительно подмигнула. Подмигнула так же как и тогда, когда они сидели под столом. Гека бросило в жар. Ребята притихли. Притихли надолго.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.